

Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Экономика и политика античного мира

2021 Том 13 № 3

DOI 10.22363/2312-8127-2021-13-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал

Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор серии
Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора
Стефанидис И.Д., профессор Университета имени Аристотеля, г. Салоники, Греция
E-mail: ids@law.auth.gr

Ответственный секретарь серии
Базанова Е.А., кандидат исторических наук, ассистент кафедры всеобщей истории РУДН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: humanities.worldhistory@rudn.ru

Члены редколлегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор Каирского университета, г. Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, г. Дели, Индия
Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, г. Москва, Российская Федерация

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, г. Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, г. Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ, г. Москва, Российская Федерация

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки eLibrary.ru, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток–Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала
«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 10.08.2021. Выход в свет 20.08.2021. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 7,15. Тираж 500 экз. Заказ № 633. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2021

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

Ancient Greece and Rome: Politics and Economics

2021 VOLUME 13 NUMBER 3

DOI 10.22363/2312-8127-2021-13-3

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

Sergey A. Voronin

Peoples Friendship University
of Russia, Moscow,
Russian Federation

E-mail: Voronin_sa@rudn.ru

Deputy Editor-in-Chief

Ioannis Stefanidis

Aristotle University
of Thessaloniki,
Thessaloniki, Greece

E-mail: ids@law.auth.gr

Executive Secretary

Elena A. Bazanova

Peoples Friendship University
of Russia, Moscow,
Russian Federation

E-mail:
humanities.worldhistory@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

- Гвоздева Т.Б.** Эрихтоний или Тесей – кто основал Панафиней? 259
- Соломатина Е.И.** Алкей о роли митиленских аристократов в экономической жизни в период статсиса 269
- Булычева Е.В.** Сельскохозяйственные работы на священных землях Аттики IV в. до н. э. по данным эпиграфики 277

АГРАРНАЯ СТРУКТУРА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГО РИМА

- Квашнин В.А.** Почему Катон не хотел кормить больных рабов, или Некоторые наблюдения над римской экономикой рабства 286
- Гвоздева И.А.** Поместье ветерана как категория римской агрименсуры 299

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДРЕВНЕГО РИМА

- Никишин В.О.** Династические браки клиентных царей в правление Августа 310
- Парфенов В.Н.** Траян и мятеж Антония Сатурнина 319

РЕЦЕНЗИИ

- Щеглов Д.А.** Рецензия на книгу: Gunn G.C. Overcoming Ptolemy: the revelation of an Asian world region. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2018 329
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.** Рецензия на книгу: Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О.С. Поршневой (отв. ред.), Н.Н. Баранова, В.Н. Земцова. М.: Политическая энциклопедия, 2020 333

CONTENTS

ECONOMY AND POLITICS OF ANCIENT GREECE

- Gvozdeva T.B.** Erichthonius or Theseus, who established the Panathenaea? 259
- Solomatina Ye.I.** Alkaios on the role of Mytilenian aristocracy in the economic life during stasis 269
- Bulycheva E.V.** Agricultural work on the sacred lands of Attica IV B.C. according to epigraphica 277

AGRARIAN STRUCTURE AND ECONOMIC LIFE OF ANCIENT ROME

- Kvashnin V.A.** Why Cato did not want to feed the sick slaves, or Some observations on the Roman economy of slavery 286
- Gvozdeva I.A.** Veteran's estate as a category of roman land surveying 299

INTERNAL AND FOREIGN POLICY OF ANCIENT ROME

- Nikishin V.O.** Dynastic marriages of client kings during the reign of Augustus 310
- Parfyonov V.N.** Trajan and the revolt of Antonius Saturninus 319

BOOK REVIEWS

- Shcheglov D.A.** Book Review: Gunn G.C. Overcoming Ptolemy: the Revelation of an Asian World Region. Lexington Books, 2018. XXXIV, 289 p. 329
- Kondratiev S.V., Kondratieva T.N.** Book Review: War, politics, memory: The Napoleonic Wars and the First World War in the space of Anniversaries. Ed. by O.S. Porshneva (chief editor), N.N. Baranov, V.N. Zemtsov. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2020 333

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ ECONOMICS AND POLITICS OF ANCIENT GREECE

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-259-268

Научная статья / Research article

Эрихтоний или Тесей – кто основал Панафиней?

Т.Б. Гвоздева

Российский университет дружбы народов,
Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10–2
tbvozdeva@rambler

Аннотация. В источниках известно две версии основания Панафиней, главного государственного праздника афинского полиса. Самая ранняя версия аition Панафиней связана с историей рождения афинского автохтонного царя Эрихтония. Сын Геи и Гефеста, Эрихтоний был воспитан богиней Афиной на Акрополе, и, став царем Афин, посвятил богине праздник Панафиней. В источниках он является первым основателем праздника. Однако в Афинах было известно два вида Панафиней: Малые Панафиней, которые проводились ежегодно, и Великие Панафиней, которые, подобно Олимпийским играм, проводились раз в четыре года. Поэтому постепенно в мифологической традиции появляются дополнительные сведения в истории основания панафинейского праздника. Теперь авторы выделяют два этапа организации праздника, где самый ранний носил название Афиней. Постепенно Эрихтоний был оттеснен на второй план, как основатель Афиней. Тогда как в истории праздника источники стали выделять второй этап его формирования, когда праздник получил новое название – Панафиней. Этот процесс часто связывали с синойкизмом Тесея, когда он объединил всех афинян в одну городскую общину. Культ Тесея особенно стал популярным в Афинах после реформ Клисфена. Подвиги Тесея становятся популярной темой в аттической вазопи, особенно сцены с изображением борьбы, основателем которой Тесей считался в Афинах. В это же время расширяется программа Панафинейских игр, которые постепенно приобретают надрегionalный характер.

Ключевые слова: Великие Панафиней, Эрихтоний, Тесей, аттическая вазопись, Афины, Панафинейские игры, Олимпийские игры

История статьи: Поступила в редакцию: 04.03.2021. Принята к публикации: 27.03.2021.

Для цитирования: Гвоздева Т.Б. Эрихтоний или Тесей – кто основал Панафиней? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 259–268. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-259-268

© Гвоздева Т.Б., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Erichthonius or Theseus, who established the Panathenaea?

T.B. Gvozdeva

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
tbgvozdeva@rambler

Abstract. The sources know two versions of the establishing of Panathenaia, the main public holiday of the Athenian polis. The earliest version of *aition* of Panathenaia is associated with the history of the Athenian indigenous king Erichthonius. The son of Gaia and Hephaestus, Erichthonius was raised by the goddess Athena on the Acropolis, and after becoming king of Athens, he dedicated the feast of Panathenaia to the goddess. In the source, he is the first founder of the holiday. However, two types of Panathenaia were known in Athens: the Lesser Panathenaia, which were held annually, and the Greater Panathenaia, which, like the Olympic Games, were held every four years. Gradually, there appear pieces of new information about the history of the establishing of the Panathenaia in the mythological tradition. Now the authors distinguish two stages in the history of the feast, wherein the earlier one was called Athenaia. Gradually Erichthonius was relegated to the background, as founder Athenaesus, whereas the holiday got a new name – Panathenaia. This process was often associated with the synoekismus of Theseus, when he had united all the Athenians into one urban community. The cult of Theseus became especially popular in Athens after the reforms of Cleisthenes. Theseus' exploits are becoming a popular theme in Attic vase painting, especially scenes depicting the struggle, which Theseus was believed to be the founder of in Athens. At the same time, the program of the Panathenaic Games was expanding, the Panathenaia gradually acquired a supra-regional character.

Key words: Greater Panathenaia, Erichthonius, Theseus, attic vase-painting, Athens, Panathenaic Games, Olympic Games

Article history: Received: 04.03.2021. Accepted: 27.03.2021.

For citation: Gvozdeva TB. Erichthonius or Theseus, who established the Panathenaea? *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):259–268. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-259-268

Введение

Главным праздником афинского полиса, посвященным богине Афине, были Панафинеи. Программа праздника, которая состояла из состязаний, процессии и жертвоприношения, начала оформляться еще в VI в. до н.э. Панафинеи стали праздником, который объединил все население афинского полиса. С 566 г. до н.э. Великие Панафинеи стали проводиться регулярно, подобно Олимпийским играм, раз в четыре года. При Перикле, когда Афины возглавили I Афинский морской союз, Великие Панафинеи приобрели статус общесоюзного праздника. История панафинеийского праздника тесно связана с историей афинского полиса, в структуре праздника нашли отражения многие аспекты афинской внешней и внутренней политики. Поэтому в изучении Панафинеи важное значение придается как *aition* праздника, так и фигуре ее основателя.

Эрихтоний – основатель Панафиней

Мифологическая традиция связывает аition Панафиней с историей рождения афинского автохтона Эрихтония. Эрихтоний, сын Геи и Гефеста, упоминался уже в источниках VII–VI вв. до н.э. – в киклической поэме «Данаиды» (Danaïds EGF F2 (p. 141 Davies) и в поэзии Пиндара (fr. Pind. 253 (Schroeder) = Jacoby, FGrH 323a F27). Еврипид в трагедии «Ион» сообщает дополнительные подробности истории «землерожденного» Эрихтония (Eur. Ion. 267–268; 999–1000). В IV в. до н.э. Эрихтоний – сын Геи и Гефеста (Isocr. XII.126; Plat. Crit. 110a), живущий в храме Афины на Акрополе (Aristoph. Lys. 776). У аттидографов Эрихтоний занимает почетное место среди афинских царей (Harp. s.v. Παναθήναια = Hellenicus FGrH 323a F2, Androtion FGrH 324 F2). Так, свергнув Амфикиона, он стал царем Афин (Apoll. III.14.6), после чего учредил своей покровительнице Афине праздник Панафиней (Harp. s.v. Παναθήναια = Hellenicus FGrH 323a F2, Androtion FGrH 324 F2; Schol. Plat. Parm. 127a; Eratos. Catast. 13; Apoll. III.14.6; Hyg. Astr. II.13.2; Schol. Aristoph. Nub. 385; Schol. Ael. Aristid. XIII.189.4–5), жертвоприношение (Eratos. Catast. 13; Hyg. Astr. II.13.1) и процессию (Eratos. Catast. 13), а также соорудил ксоанон богини (Apoll. III.14.6) и воздвиг ее храм на Акрополе (Hyg. Astr. II.13.1). Кроме того, Эрихтонию приписывают введение института канефор (Harp. s.v. κανηφόροι) и таллофор (Schol. Aristoph. Vesp. 544), а также состязания апобатов (Eratos. Catast. 13; Hyg. Astr. II.13.1–2), одного из наиболее древних состязаний Панафинейских игр.

Малые Панафиней и Великие Панафиней

Гарпократион в «Лексиконе», со ссылкой на аттидографов Гелланика и Андротиона пишет, что Панафиней были введены Эрихтонием, сыном Гефеста и Геи (Harp. s.v. Παναθήναια = Hellenicus FGrH 323a F2; Androtion FGrH 324 F2). Кроме того, он уточняет, что в Афинах проводились как ежегодные, так и Великие Панафиней (четырёхлетние). Это одно из ранних упоминаний двух панафинейских праздников, которые различались между собой и по количеству праздничных дней, и по программе. Малые Панафиней проводились ежегодно, в течение 3–4 дней в последних числах месяца гекатомбеона, и включали в себя ночное шествие и процессию (во время которой, возможно, Афине подносили парадный пеплос), жертвоприношение, и некоторые состязания (например, состязания киклических хоров и состязание хоров пиррихистов) (IG. II².334; Lys. XXI.2; 4; Menandr. Fr. 427k) [1. S. 22–23; 2. P. 29]. Тогда как Великие Панафиней, по примеру Олимпийских игр, были пентетридой, т.е. проводился раз в четыре года, на третий год каждой Олимпиады в 20-х числах месяца гекатомбеона (Marcel. Vit. Thuc. 3–4; Procl. Plat. Tim. 98). Программа праздника состояла из большой и разнообразной программы (Schol. Eur. Hec. 469; Schol. Aristid. Panath. 147). В состав Панафинейских игр входили как мусические, так и гимнические и конные состязания, а также ряд «специальных» состязаний, предназначенных только для афинян. Кроме того,

в программу Великих Панафиней входили ночное шествие, торжественная панафинейская процессия с поднесением пеплоса Афине, жертвоприношение и пир. Если принять участие в «специальных» состязаний могли только афинские граждане, то к участию в мусических, гимнических и конных состязаниях допускались атлеты, музыканты и певцы из всех полисов Эллады [3. С. 258–259]. Возвращаясь к Гарпократиону, надо отметить, что помимо упоминания двух видов Панафиней он, со ссылкой на Истра (Harp. s.v. Παναθήναια = Istros, FGrH 334 F4) уточняет, что ранее панафинейский праздник назывался «Афинеи». Очевидно, что постепенно в мифологической традиции появляются новые подробности основания праздника, в связи с упоминанием в источниках Малых и Великих Панафиней.

В той группе источников, которые посвящены аition Панафиней, несколько особняком стоят данные схолиаста «Панафинейской речи» Элия Аристида. Говоря о Панафинейях, он называет основателем праздника Эрихтония. Однако Эрихтоний упомянут у него не как сын Гефеста, а как сын Амфиктиона, а аition праздника он связывает с победой Афины над гигантом Астером (Schol. Ael. Aristid. Panath. XIII.189.4–5) (1). Связь между Эрихтонием, сыном Гефеста, и Амфиктионом можно проследить только у Аполлодора, согласно которому Амфиктион – царь Афин, который был изгнан Эрихтонием, отпраздновавшим это событие учреждением Панафиней (Apoll. III.14.6). Кроме того, со ссылкой на труд Аристотеля «Пеплос», схолиаст Аристида, подобно аттидографам, говорит о двух Панафинейях, Малых и Великих. Интересно, что у Гарпократиона назван только один основатель праздника, Эрихтоний, тогда как схолиаст Аристида утверждает, что Малые Панафиней основал Эрихтоний, сын Амфиктиона, а Великие Панафиней – Писистрат (Schol. Ael. Aristid. Panath. XIII.189.5). У Диодора Сицилийского упоминается царя Крита Астерий, сын Тектама. Его внук Андрогей, сын Миноса и Пасифаи, одержал победу в атлетических состязаниях на Панафинейях, когда в Афинах правил Эгей (Diod. IV.60.2–4). Аполлодор же Астерием называет Минотавра (Apoll. III.1.4) (ср.: Schol. Plat. Min. 321a; Zenob. IV.6). Возможно, что схолиаст Аристида в истории основания Панафиней объединил историю Эрихтония с популярным сюжетом – победу Афины в гигантомахии.

Тезей – основатель Панафиней

Однако в источниках есть еще одна версия основания панафинейского праздника, которая была связана с афинским героем Тесеем. Эта версия была изложена Павсанием и Плутархом, а также упоминается в поздних словарях. Павсаний со ссылкой на Истра отмечает, что Панафинейи сначала носили другое название – «Афинеи», а Панафинейями стали называться только при Тесее, после того, как он объединил всех афинян в одну городскую общину (Paus. VIII.2.1). Сходную версию излагает Плутарх, согласно которому Тесей сначала разрушил все отдельные пританеи и булевтерионы, а потом свел их воедино, новый город назвал Афинами и основал единый общий праздник с жертвоприношением – Панафиней (Plut. Thes. XXIV.3).

Таким образом, у Павсания и Плутарха основателем панафинейского праздника назван Тесе́й, а установление праздника связывают с синойкизмом Тесе́я. Ни Эрихтоний, ни Гея и Гефест, ни Афина в этой версии не упомянуты. На первый план выходит идея политического объединения и единства всех афинян. Однако Павсаний не называет Тесе́я первым основателем Панафиней. Он отмечает, что до синойкизма Тесе́я праздник уже был известен, и назывался он Афиней (Paus. VIII.2.1). Учитывая, что Павсаний ссылается на Истра, так же как и Гарпократион, возможно, что они оба придерживаются версии, что первым основателем праздника был Эрихтоний, при котором праздник назывался Афиней, а Тесе́й стал вторым основателем нового праздника, по сути, реорганизовав его после синойкизма и назвав «Панафиней». Поздние источники, схолиасты и авторы словарей, видимо, пытались объединить обе версии. Схолиаст Платона отмечает, что Панафиней, праздник и игры, были установлены впервые при Эрихтонии, сыне Гефеста и Афины, а поздние – при Тесе́е, когда он объединил все демы. Речь, несомненно, идет о Великих Панафинях, т.к. схолиаст уточняет, что состязания проводились раз в пять лет (Schol. Plat. Parm. 127a). У Фотия и Суды упоминается, что Панафиней – это праздник в Афинах, введенный в результате синойкизма Тесе́я, а до него – введенный Эрихтонием, сыном Гефеста и Геи (Phot. Lex. s.v. Παναθήναια; Suid. s.v. Παναθήναια). Интересно, что Эрихтоний здесь указан как первый основатель Панафиней, а Тесе́й – как реорганизатор праздника в связи с синойкизмом.

Однако в афинском календаре был праздник, *aition* которого был посвящен синойкизму – праздник Синойкии [1. S. 36–38; 4]. Синойкии проводились, так же как и Панафиней, в месяце гекатомбеон, только на двенадцать дней ранее – 16 гекатомбеона. Р. Паркер полагает, что Синойкии были учреждены в связи с реформами Клисфена [5. P. 112–113; 6. P. 62]. Об организации праздника сохранилось мало данных. Известно, что в программу Синойкий, кроме жертвоприношения богине Эйрене с бескровными жертвами был включен еще военный марш эфебов, как обряд инициации (Schol. Aristoph. Pax. 1019; Isocr. XV.110; Philochoros, FGrH328 F151; Paus. I.8.2; Plut. Cim. XIII.6). Жертвоприношение богине Эйрене на Синойкиях имело место, возможно, с IV в. до н.э. (IG II² 1496, lin. 94–95, 127–128). Фукидид отмечает, что Тесе́й, став царем Афин, упразднил советы и магистратов города учредив только один совет и один пританей. И с этих пор в честь Афины проводят праздник Синойкии (Thuc. II.15.2). Интересно, что только Фукидид объединил Тесе́я, синойкизм Тесе́я и праздник Синойкии в единый рассказ (Thuc. II.15.1–2). Согласно записи дема Скамбониды, праздник проводился каждые два года (Thuc. II.15.1–2; Plut. Thes. XXIV.1–4; IG I³ 244. 16–19).

Какой же праздник учредил Тесе́й? Едва ли можно предположить, что в афинском календаре было два праздника, посвященных синойкизму Тесе́я, и оба они проводились в месяце гекатомбеон. Хотя Фукидид и упоминает Синойкии (Thuc. II.15.2), отсутствие других свидетельств об этом празднике в классический период говорит о том, что праздник не имел такого важного значения, как Панафиней. Данные Фукидида о празднике дополняет Плутарх,

который пишет о том, что после синойкизма Тесей учредил Панафинеи, а также 16 гекатомбеона Метойкии, что совпадает со временем проведения праздника Синойкии. Плутарх пишет о празднике в связи с синойкизмом Тесея (Plut. Thes. XXIV.3–4). Очевидно, что Плутарх имел в виду Синойкии (2). Надо отметить, что Плутарх, единственный из авторов, который упоминает в связи с синойкизмом Тесея оба праздника – Панафинеи и Синойкии (которые он называет Метойкиями). Н. Робертсон доказывает, что аition Синойкии не был связан с синойкизмом Тесея и являлся в празднике вторичным фактом. После возвращения с Крита Тесей наследует трон своего отца Эгея, становится афинским царем, т.е. достигает периода зрелости посредством проведения синойкизма. Синойкии, по мнению Н. Робертсона, могли включать в себя историю Демофона, сына Тесея, которая была связана с военным маршем, который был отличительным моментом праздника на ранних стадиях его развития, т.е. с инициацией [4. Р. 33–34]. Доминирующую роль в Синойкиях начинает играть жертвоприношение богине Эйрене и обряд инициации, оформленный военным смотром. Однако уже в конце IV в. до н.э. значение праздника меняется. Раннее значение Синойкии, как праздника объединения афинского народа, перешло к другому празднику, отстоящему в афинском календаре всего на несколько дней от Синойкии, т.е. к Панафинеям (3). Возможно, что этот процесс зафиксировал Павсаний, согласно которому праздник получил новое название («Пан-Афинеи») и новое значение благодаря Тесею. Именно эту версию и пересказывал Плутарх, но праздник Синойкии (или Метойкии) в ней уже присутствовал в качестве рудимента панафинеийского праздника.

Противоречие источников в вопросе об основании Тесеем Панафинеи связано как со свидетельствами разных традиций основания праздника Синойкии, так и с процессом объединением Аттики. Интересно свидетельство схолиаста Аристофана, который указал на обоих героев, Эрихтония и Тесея, как основателей Панафинеи. Согласно ему Панафинеи – это праздник Афин, который первоначально был основан Эрихтонием, сыном Гефеста и Афины, а второе рождение получил при синойкизме Тесея (Schol. Aristoph. Nub. 385). В отличие от Павсания и Плутарха схолиаст Аристофана, повторяя версию о синойкизме, все-таки упоминает в качестве основателя древних Панафинеи Эрихтония. Данные схолиастов дают возможность Дж. Девисону и другим ученым сделать предположение, что в афинской традиции Эрихтоний стал основателем ежегодного праздника (Малые Панафинеи), а Тесей – четырехлетнего (Великие Панафинеи) [2. Р. 29; 1. S. 22–23].

Когда же культ Тесея был объединен с аition Панафинеи? Многие исследователи связывают этот процесс с реформами Клисфена, после которых программа Панафинеийских игр была расширена за счет командных состязаний [7]. О популярности Тесея в посл. трети VI в. до н.э. свидетельствует резкое увеличение количества аттических ваз с его изображением. Особенно популярной становится тема путешествия героя из Трезена в Афины и его победы над Перифетом, Синисом, кроммионской свиньей, Скироном, Керкионом, Прокрустом [8. С. 204]. Как писал Плутарх, Тесей побеждал

своих противников отобранным у них оружием и тем же способом, каким они одолевали других людей (Plut. Thes. 6–11). К. Шефольд полагал, что благодаря Клисфену Тесей становится главным героем Афин, мифологическим прототипом самого реформатора [9. S. 65–66]. Тесей превращался в символ молодой демократии, заменив Геракла, популярного у Писистратидов [10. P. 338]. И если Тесей провел синойкизм Аттики, то Клисфен – территориальную реформу [10. P. 344].

Дж. Шер приводит данные схолиаста Аристофана к комедии «Облака» (Schol. Aristoph. Nub. 28a) о том, что военные колесницы, где гоплит выступал в роли «парабата», были введены при Тесее [6. P. 64]. Состязание апобатов (ἀποβάτης) входило в число «специальных» конных состязаний только для афинян (Ps.-Dem. LXI.23.27–29). В нем принимали участие двое – апобат и гениох (Beck. Anecd. ἀποβατῶν ἄγων) (4). Гениох выполнял функции возницы, тогда как апобат («соскакивающий») через определенные промежутки времени спешивался с колесницы и какое-то время бежал рядом с ней (Dion. Hal. VII.73.2–3) [11]. Второй участник этого состязания упоминается в схолии Аристофана в связи с Тесеем. Однако из двух основателей Панафиней именно Эрихтоний является в мифологической традиции основателем и первым победителем состязания апобатов (Eratost. Catast. 13; Ael. VH. III.38; Themist. Or. XXVII.337; Schol. Aristid. Panath. III.62). Афина подарила Эрихтонию уздечку, научив его править квадригой (Eratost. Catast. 13), его почитали как изобретателя колесницы и агона апобатов (Eratost. Catast. 13; Hyg. Astr. II.13.1–2) (5), тогда как имя Тесея в мифах в большей степени связано с другим состязанием – с борьбой. Тесей назван основателем этого агона у Павсания (Paus. I.39.3) и у схолиаста Платона (Schol. Plato. Leg. 796a). В аттической вазопиcи в период с 520–510 гг. до н.э. увеличилось количество сюжетов поединков Тесея со своими противниками (Plut. Thes. 6–11) [8. С. 204]. Интересно, что большое внимание в подвигах Тесея уделяется именно искусству борьбы. Вакхилид хвалит силу и мужество Тесея, которое он проявил, путешествуя из Трезен в Афины, и перечисляет некоторые из его подвигов – победа над Синидом, Кроммионской свиньей, Скироном, Керкионом, Проконтом (Прокрустом) (Vaschyl. Dith. 18.20–28). В вазопиcи Тесей сражается со своими противниками обнаженным, часто без оружия, подобно атлету [8. С. 209]. Плутарх отмечает, что именно Тесей обучил афинян приемам борьбы, поскольку борцы до этого времени зависели исключительно от грубой силы (Plut. Thes. 11). Павсаний пишет, что в поединке с Керкионом Тесей полагался больше на мастерство и технику (σοφία), а не на силу и рост (Paus. I.39.3). Ферекид утверждал, что Тесей научился бороться у своего наставника Форба, а тот, в свою очередь, обучил этому виду спорта афинян (Schol. Pind. Nem. V.89b. = Pherecydes, fr. 152 (Fowler)). В другой схолии к этим строкам Немейской оды Пиндара речь идет о том, что Тесей изобрел панкратион, а не борьбу (Schol. Pind. Nem. V.89a). Плутарх, со ссылкой на Филохора, упоминает о состязании в борьбе Тесея с Тавром, военачальником Миноса (Plut. Thes. 19). Таким образом, уже с VI–V вв. до н.э. в литературе и искусстве Тесей показан как герой, образ которого складывается во многом из его

атлетического мастерства, особенно из его мастерства и техники борьбы (или панкратиона) [12. Р. 28].

В программе Олимпийских игр борьба была включена в с 708 г. до н.э. (18 Олимпиада) (Paus. V.8.7–8) (6), а в программу Панафинейских игр – ок. посл. трети VI в. до н.э. (7). Самая ранняя панафинейская амфора с изображением взрослого борца относилась к 540 г. до н.э. (Bad. Landesmus. Karlsruhe, 65.45). Интересно, что одно из первых свидетельств участие неафинян в Панафинейских играх относятся к единоборствам. Так, фрагмент призовой панафинейской амфоры, датируемой ок. 550–540-х гг. до н.э., найденный в Кирене, содержит фрагмент изображения борьбы или панкратиона (Cyr. Mus. Cyrene, 81–14). Таким образом, в кон. VI – нач. V вв. до н.э. неафиняне могли принимать участие в Панафинейских играх, которые постепенно стали приобретать надрегиональный характер [3. С. 266]. Именно в этот период мы видим увеличение сюжетов борьбы Тесея в аттической вазописи.

Заключение

Таким образом, постепенно складывается новая мифологическая традиция, согласно которой Эрихтоний был основателем «старого» праздника, Афиней, когда праздник носил еще местный характер. Это подчеркивает и автохтонное происхождение героя, и древние элементы панафинейской процессии, и один из древних агонов Панафиней – состязание апобатов, участвовать в котором могли только афиняне. Тогда как Тесей стал символом молодой демократии, его культ укрепился после реформ Клисфена. В его истории основания праздника подчеркивается идея синойкизма, объединения всей Атики, что нашло отражение в объяснении нового названия праздника – Панафиней. И в то же время Тесей олицетворял собой ту часть агональной программы Панафинейских игр, которая входила в программу панэллинских игр, была доступна как для афинских атлетов, так и для инополитов, и очевидно сыграла свою роль в превращении Панафиней в общегреческий праздник.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Дж. Девисон отмечал, что в V в. до н.э. существовала тесная связь между Панафинейями и культом Гефеста [2. Р. 24].
- (2) Р. Паркер полагает, что это ошибка Плутарха, который очевидно перепутал праздник Метойкии с праздником Метагитнии [5. Р. 480–481].
- (3) 16 гекатомбеона проводились Синойкии, начиная с 23 гекатомбеона – Панафиней.
- (4) В призовых панафинейских списках всегда упоминались имена обоих участников, апобата и гениоха (IG. П².2314A.36–39; IG. П².2314B.12–15). Хотя в призовом панафинейском списке сер. IV в. до н.э. состязания апобатов нет (IG. П².2311). Это объясняется тем, что фрагмент надписи был утерян. Тогда как в призовых списках эллинистического и римского времени именно агон апобатов стоит на первом месте в списке состязаний конного агона (IG. П².2314A; IG. П².2314B; IG. П².2316; IG. П².2317).
- (5) На Акрополе, возможно, было изображение Эрихтония вместе с Афиной, правящей колесницей (Schol. Ael. Aristid. Panath. III.62).

- (6) Ср.: кулачный бой был введен на Олимпийских играх с 688 г. до н.э. (23 Олимпиада), панкратион – с 648 г. до н.э. (33 Олимпиада) (Paus. V.8.7–8; VI.24.1).
- (7) Ср.: наиболее раннее изображение на панафинейских призовых амфорах взрослого кулачного бойца относится к 530 г. до н.э. (Nat. Mus., Ath. Akrop. 1042: Bentz 6.158), а взрослого панкратиаста – ок. 500 г. до н.э. (Met. Mus. of Art, N.Y., 16.71: Bentz 5. 009) [6. P. 274–279].

Библиографический список

- [1] Deubner L. *Attische Feste*. Berlin, 1956.
- [2] Davison J.A. Notes of the Panathenaea // *Journal of Hellenic Studies*. 1958. Vol. 78. P. 23–42.
- [3] Гвоздева Т.Б. Право участия в Великих Панафинях // *Экономика, право, власть в древнем мире. Посвящается памяти В.И. Кузищина*. СПб., 2021. С. 258–300.
- [4] Robertson N. *Festivals and Legends: the Formation of Greek Cities in the Light of Public Ritual* // *Phoenix*. Suppl. Vol. 31. Toronto, 1992.
- [5] Parker R. *Polytheism and Society at Athens*. Oxford, 2005.
- [6] Shear J.L. *Polis and Panathenaia: the History and Development of Athena's Festival*: PhD. Ann Arbor, 2002.
- [7] Neils J. *The Panathenaia and Kleisthenic Ideology* // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 1994. P. 151–160.
- [8] Захарова И.Н. Цикл юношеских подвигов Тесея в аттической вазописи VI–V вв. до н.э. // *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. 2018. № 8 (41). Ч. 2. С. 196–214.
- [9] Schefold K. Kleisthenes. Der Anteil der Kunst an der Gestaltung des jungen attischen Freistaates. *Museum Helveticum*. 1946. Bd. 3. S. 59–93.
- [10] Hall J.M. *Politics and Greek Myth. The Cambridge Companion to Greek Mythology*. Ed. R.D. Woodard. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 331–54.
- [11] Гвоздева Т.Б. Состязание апобатов на Великих Панафинях // *Древний Восток и античный мир*. 2002. Вып. 5. С. 40–49.
- [12] Lunt D.J. *Athletes, heroes, and the quest for immortality in ancient Greece*: PhD. Pennsylvania State University, 2010.

References

- [1] Deubner L. *Attische Feste*. Berlin, 1956.
- [2] Davison JA. Notes of the Panathenaea. *Journal of Hellenic Studies*. 1958;(78):23–42.
- [3] Gvozdeva TB. Pravo uchastija v Velikih Panafinejah [The right to participate in the Great Panathenaea]. *Economics, law, and power in the Ancient World. Dedicated to the memory of V. I. Kuzishchin*. St. Petersburg, 2021. P. 258–300.
- [4] Robertson N. *Festivals and Legends: the Formation of Greek Cities in the Light of Public Ritual*. *Phoenix*. Suppl. Vol. 31. Toronto, 1992.
- [5] Parker R. *Polytheism and Society at Athens*. Oxford, 2005.
- [6] Shear JL. *Polis and Panathenaia: the History and Development of Athena's Festival*: PhD. Ann Arbor, 2002.
- [7] Neils J. *The Panathenaia and Kleisthenic Ideology*. *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxford, 1994. P. 151–160.
- [8] Zakharova IN. Cikel junosheskih podvigov Teseja v atticheskoj vazopisi VI–V vv. do n.je. [The cycle of Theseus' youthful exploits in the Attic vase painting of the VI–V centuries BC.]. *Bulletin of the RSUH. The Series "History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies"*. 2018;8(41). Part 2. P. 196–214.

- [9] Schefold K. Kleisthenes. Der Anteil der Kunst an der Gestaltung des jungen attischen Freistaates. *Museum Helveticum*. 1946;(3):59–93.
- [10] Hall J.M. *Politics and Greek Myth. The Cambridge Companion to Greek Mythology*. Ed. R.D. Woodard. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 331–54.
- [11] Gvozdeva T.B. Sostjzanie apobатов na Velikih Panafinejah [The contest of Apobates on the Great Panathenaea]. *Ancient East and the Ancient World*. 2002;(5):40–49.
- [12] Lunt D.J. *Athletes, heroes, and the quest for immortality in ancient Greece*: PhD. Pennsylvania State University, 2010.

Информация об авторе:

Гвоздева Татьяна Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, e-mail: tbgvozdeva@rambler.ru

Information about the author:

Gvozdeva Tatiana Borisovna – PhD in History, Associate Professor of the Department of World History, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), e-mail: [tbgvozdeva@rambler](mailto:tbgvozdeva@rambler.ru)

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-269-276

Научная статья / Research article

Алкей о роли митиленских аристократов в экономической жизни в период стасиса

Е.И. Соломатина

Институт всеобщей истории РАН,
119334, Российская Федерация, Москва, Ленинский пр-т, 32А
Solomatina_elena@yahoo.com

Аннотация. Основная цель исследования – проанализировать сведения о разных видах деятельности аристократии и по возможности определить ее роль в экономической жизни в особый период истории архаической Митилены – в период стасиса. Ценная информация по интересующему вопросу сохранена, главным образом, в поэзии Алкея, основного свидетеля и участника многих из описываемых событий. Кроме того, привлекаются произведения его современницы Сапфо, дополняющие конкретными примерами свидетельства Алкея, а также более поздние по времени нарративные источники, основу которых составляют стихотворения упомянутых поэтов. Используемые в работе результаты археологических исследований подтверждают данные письменных источников и проливают свет на те сферы занятий аристократии, которые не нашли явного отражения в аутентичных источниках. Речь идет о сельском хозяйстве и роли аристократии в этом секторе экономики, а также о земле как главном источнике материального благосостояния аристократии. Ведь земельный вопрос всегда была в центре проводимой полисом политики как в мирное время, так и в период бурных политических междоусобиц. Проанализированная информация всего комплекса имеющихся источников свидетельствует о сложной роли аристократии в экономической жизни Митилены в период стасиса и не позволяет оценить эту роль однозначно. Важным критерием оценки этой роли является наличие гражданства, которое может быть утрачено в период стасиса проигравшей стороной, отправившейся в изгнание. В первом случае роль оценивается положительно, а во втором отрицательно, несмотря на то, аристократы занимались одними и теми же видами деятельности.

Ключевые слова: Алкей, Митилена, аристократия, наемники, морская торговля, земельные владения, стасис

История статьи: Поступила в редакцию: 28.02.2021. Принята к публикации: 07.03.2021.

Для цитирования: Соломатина Е.И. Алкей о роли митиленских аристократов в экономической жизни в период стасиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 269–276. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-269-276

© Соломатина Е.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Alkaios on the role of Mytilenian aristocracy in the economic life during stasis

Ye.I. Solomatina

Institute of World History Russian Academy of Sciences,
32A, Leninsky pr-t, Moscow, Russian Federation, 119334
Solomatina_elena@yahoo.com

Abstract. The purpose of this paper is to analyze the evidence concerning different activities of aristocracy and if possible to define its role in the economic life during a very specific period in the history of archaic Mytilene, i.e. stasis. Alkaios' poetry provides valuable information on the problem in question. Alkaios is one of the main witnesses and participants in the described events. Besides that, lyrics of Sappho, Alkaios' contemporary, is used, her poems provide concrete examples which complete Alkaios' evidence. The results of archaeological investigations corroborate the data of the written sources and shed light on those spheres of aristocracy activities that have not got evident representation in the authentic sources. We are talking about agriculture and the role of aristocracy in this economic sector and moreover about the land as a main source of material well-being of aristocracy. After all the land issue was always in the focus of poleis policy in time of peace as well as during turbulent political strife. Analyzed information from the set of available sources testifies to a very complicated role played by Mytilenian aristocracy in the economic life of Mytilene during stasis that is difficult to evaluate unambiguously. An important evaluation criterion of the role is possession of civil rights of which the losing party may be deprived during stasis while having to flee into exile. In the first case the role may be positive and in the second one negative.

Keywords: Alkaios, Mytilene, aristocracy, mercenaries, maritime commerce, land property, stasis

Article history: Received: 28.02.2021. Accepted: 07.03.2021.

For citation: Solomatina Ye.I. Alkaios on the role of Mytilenian aristocracy in the economic life during stasis. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):269–276. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-269-276

Введение

Реконструкция социально-экономических отношений в архаической Греции и определение роли того или иного социального слоя общества в экономическом развитии полиса сопряжены со многими источниковедческими проблемами. В очень редких случаях в их распоряжении оказываются аутентичные письменные источники по интересующей проблеме, обычно же они датируются более поздним временем. Часто донесенные ими сведения отрывочны, мало информативны, субъективны, имеют косвенное отношение к изучаемой тематике. Кроме того, постоянно возникает вопрос о соотношении информации, донесенной разными видами источников.

Выбранный для рассмотрения пример с митиленской аристократией является показательным с точки зрения обеспечения заявленной темы разного рода источниками, среди которых главную роль играют аутентичные. Речь идет о произведениях Алкея, написанных по самым разнообразным поводам

и событиям. И хотя их данные очень тенденциозны, так как сохранившееся было традиционным продуктом очень узких социальных групп, но у них есть огромное преимущество, ведь избирательность, определившая их сохранность, это – избирательность того самого общества, которое ее и выработало, а не более позднего [1. Р. 6].

Характерной чертой произведений Алкея является отсутствие объяснений исторического контекста, который в них отражен, так как, с одной стороны, они исполнялись перед аудиторией, уже знакомой с ситуацией, а с другой, все, что в них описано, воспринималось греческими элитами как нечто для них общее [2. Р. 39–40]. Алкей воспевал не только винопитие и игру в коттаб во время симпосиев, но и политические раздоры в родном полисе, и борьбу своей гетерии против единоличных правителей. Песни Алкея, и отчасти Сапфо, содержат также ценную информацию о тех видах деятельности, к которым прибегали представители аристократии Митилены, когда находились по тем или иным причинам за пределами своего полиса, а точнее о наемничестве и морских торговых операциях. На основании этих данных можно проследить, какое влияние оказывали эти аристократы на экономическую жизнь, обратившись к подобным занятиям.

Виды деятельности аристократии ее роль в экономической жизни

Стихотворение Алкея (фр. 350 Voigt) [3], в котором поэт приветствует возвращение старшего брата Антименида «от пределов земли», чаще всего рассматривается как основной источник для выводов об использовании наемников из Эгеиды восточными правителями, главным образом в египетской армии Саисской династии, а не в вавилонской, как предполагалось ранее [4. Р. 90, 104, 108]. Служба Антименида наемником относится ко времени второго изгнания из Митилены проигравших в политической схватке аристократов. По инициативе победителя Питтака родину покинула не только гетерия Алкея и Антименида, главных его противников, но Клеанактиды, и клан, к которому принадлежала Сапфо, последняя отправилась на Сицилию. В этот же период Алкей, оказавшись за пределами Лесбоса, побывал во многих странах, в том числе и в Египте (фр. 432 Voigt) [3; 5. Р. XXIII]. Предположительно, Алкей тоже служил наемником в армии египетского фараона [6. Р. 223, note 2; 7. Р. 136]. Оценить роль представителей элиты, пребывавших в изгнании и одновременно служивших наемниками в армиях восточных правителей, в развитии экономики можно двояко: с точки зрения выгоды/ущерба для родного полиса и для иностранного, на правителя которого они служили. Выступая в роли наемников, греческие аристократы способствовали проведению политики восточных правителей, в том числе и продвижению их экономических интересов, которые порой могли противоречить таковым их родных полисов. С другой стороны, долговременное отсутствие представителей аристократической элиты (в изгнании иногда отправлялись целыми родами), чьим основным источником богатства были земельные владения, сказывалось отрицательно на экономическом развитии их родной Митилены, так как они

(аристократы) не вносили никакого вклада в общую прибыль полиса путем производства необходимого продукта и на рынок, а скорее наоборот, уменьшали объем валового внутреннего продукта [9. P. 187 – о роли Архилоха-наемника, с которым можно сравнить Алкея].

О более раннем эпизоде наемничества, на сей раз самого поэта свидетельствует стихотворение (фр. 428 Voigt) [3], в котором Алкей рассказал о своем участии в афино-митиленском конфликте из-за Сигея. Последний пример наемничества отличается от упомянутых первых двух тем, что Алкей во время Сигейской войны был еще полноправным гражданином Митилены, защищавшим интересы родного полиса, в том числе и экономические. Ведь после победы над предводителем афинян Питтаку, командующему митиленянами, была предложена от имени сограждан половина той земли, за которую он вступил в единоборство. Питтак, однако, предложил разделить ее на равные участки и по жребию наделить митиленян (Diod. Sic. IX.12.1) [8]. Вклад аристократов-наемников, воевавших за приобретение новых или за возвращение прежних колоний, в экономическое развитие своего полиса был и иного рода: они обеспечивали экономическую безопасность для своих собратьев-аристократов, оставшихся дома и продолжавших заниматься традиционной деятельностью. Кроме того, пока такие представители аристократической элиты, как Алкей и его брат, находились не в изгнании, а в родном полисе, у них была постоянная доля в постепенно прирастающей прибыли, поступающей с земельных владений в город, которым они же и управляли, занимая высшие магистратуры, места в совете и т.д. [9. P. 183, 187].

Еще один вид деятельности, к которому часто обращались митиленские аристократы, в период стасиса, это морская торговля. В двух стихотворениях Алкея (фр. 208а, 6 Voigt) [3], которые еще с древности стали понимать аллегорически, рассматривая образ корабля то как символ государства, то как гетерии, что характерно для трактовки в настоящее время [10. S. 126–134], встречается значительное число терминов, связанных с мореплаванием. Присутствие специализированной лексики и способ ее употребления выдают не только хорошее знакомство Алкея с морем, но и обладание немалым опытом в морском деле [9. P. 192–193]. Стоит вспомнить и Алкеевский гимн Диоскурам (фр. 34 Voigt) [3], покровителям мореплавателей и путешественников.

Данные Алкея об участии аристократов в заморских торговых операциях находят подтверждение в стихотворениях его современницы Сапфо (фр. 5, 15) [6], («Песня братьям») [11. P. 25, 32], посвященных старшему брату Хараксу. В более поздних источниках также содержится информация о Хараксе как о торговце митиленским вином в Навкратисе (Herod. II.135) [12], (Strabo. XVII.1.33) [13]. В противоположность давно бытующему представлению о Хараксе как торговце было выдвинуто соображение, что Харакс – путешественник и искатель приключений, который на вырученные от продажи вина деньги жил в Египте или странствовал. Однако эта идея не получила поддержки и была подвергнута критике [9. P. 188]. В одном из поздних источников есть упоминания о муже Сапфо, который, находясь в изгнании, также обратился к морской торговле, обосновавшись на о. Андрос (Suda s.v. Σαλφώ) [14].

Высказывалось предположение о существовании торговых отношений между Лесбосом и Навкратисом, ведь постоянный спрос в Египте на качественное вино, подобное лесбосскому, способствовал рождению предложения на Лесбосе, где местные аристократы-землевладельцы приспособивались к складывавшимся условиям: одни стали больше производить вина, на которое был спрос, другие – занялись его поставками [7. Р. 138]. Археология подтверждает существование подобных отношений: в Навкратисе были найдены лесбосские транспортные амфоры для вина, сосуды для питья в стиле лесбосского «буккеро» [15. Р. 156–163]. Следует сказать, что на части таких сосудов, которые были votivными, обнаружены граффити, датируемые второй четвертью VI в. до н.э. и представляющие собой посвящения митиленцев, а не «лесбосцев» или «эолийцев» [16. Р. 359–362].

Отличительные особенности архаической Митилены, обусловившие выбор занятий аристократией

Рассматривая археологические свидетельства и информацию более поздних, чем синхронные письменные источники, в которых может быть отражено так или иначе социально-экономическое развитие Митилены, можно заметить следующее. Об архаической Митилене достоверно известно, что она была одним из шести независимых лесбосских полисов архаической эпохи (Herod. I.151) [12], однако существенно отличилась от них: сфера ее интересов не была ограничена только островными, а была больше ориентирована на внешний мир [17. Р. 75, 78, 81]. В некоторых сообщениях Геродота четко просматриваются эти отличия. Так, в рассказе об основании знаменитого общеэллинского святилища в Навкратисе Геродот, перечисляя по отдельности ионийские и дорийские полисы, принявшие участие в этом мероприятии, подчеркивает, что из эолийских полисов только одна Митилена была среди основателей (Herod. II.178) [12]. Ориентацией этого полиса на внешний мир объясняется и ее колонизационная деятельность, наиболее ярким эпизодом которой была упомянутая выше борьба с Афинами за Сигей, расположенный в Трояде. Активное участие Лесбоса, и в первую очередь Митилены, в колонизации Трояды было обусловлено стремлением знати расширить земельные владения, ведь именно земля была источником их богатства и политического господства [18. С. 14; 2. Р. 38; об аграрном характере лесбосской колонизации: 19. С. 28].

Об остроте земельного вопроса для лесбосских полисов свидетельствуют разного рода источники.

Так, Геродот в рассказе о лесбосских полисах сообщает, что в какой-то момент Метимна присоединила Арисбу (Herod. I.151) [12]. Выбор пал на Арисбу, потому, что ей принадлежала самая большая пахотная равнина острова [17. Fig. 4.1 on p. 69, 70; 2. Р. 37]. Материальные свидетельства, выявленные в результате археологического обследования, также говорят о традиционном интересе к земельному вопросу. Обнаруженные в ходе изучения острова монументальные сооружения представляют собой девятнадцать комплексов, состоящих из каменных башен с оградами полигональной кладки. Они размещены на видных участках сельской местности в центральной и

западной части острова. Располагаясь на окраине полисных владений, а не в центре поселения, эти сооружения, наряду с культовыми, очерчивали границы хоры полисов [17. Р. 72–73]. Попытки более четкого определения сельских территорий каждого полиса свидетельствуют о существовании конфликтов из-за земельного вопроса [17. Р. 73; 2. Р. 38]. Эти многофункциональные сооружения имели еще и символическое значение: они были построены элитами лесбосских полисов в качестве статусных символов (престижная демонстрация потребляемого богатства), маркирующих их социальное отличие от других граждан полиса. Для Митилены не характерно наличие подобных башен с оградами на ее хоре, что отчасти можно объяснить ее географическим положением: нагорье Олимпа отделяет Митилену от других полисов Лесбоса, поэтому не ощущалось необходимости в оборонительных сооружениях на внешних границах полиса [17. Р. 75]. В самой Митилене также отмечается отсутствие искусственных архитектурных сооружений, которые играли роль в утверждении статуса элит в полисе, что дает возможность предположить наличие у митиленской элиты альтернативных источников престижа, а именно – доступа к восточным предметам роскоши посредством торговли [17. Р. 70, 73, 79; 2. Р. 39]. Митиленская аристократия предпочитала делать вложения не в строительство храмов или общественных зданий в родном городе или в монументальные сооружения на его окраине, а в предприятия за пределами острова: заморскую торговлю, основание колоний. Последствия такого предпочтения митиленской элиты и ее открытости идеям и влияниям других культур очевидны: они ускорили процессы, приведшие к глубокому социальному кризису и длительной нестабильности политического порядка [17. Р. 79–80; 7. Р. 135, 139].

Заключение

Анализ информации, донесенной разного рода источниками, показывает, что особенности социально-экономического развития Митилены во многом определили выбор аристократией видов деятельности. При этом, отдавая предпочтение тому или иному занятию, аристократия в свою очередь влияла на формирование упомянутых особенностей Митилены. Рассмотренные данные свидетельствуют о неоднозначности роли аристократии в экономической жизни Митилены. Важным критерием оценки этой роли является наличие гражданства, которое может быть утрачено в период стасиса проигравшей стороной, отправившейся в изгнание. В первом случае роль оценивается положительно, а во втором отрицательно, несмотря на то, сами виды деятельности аристократии были одинаковы.

Библиографический список

- [1] *Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 BC. London: Routledge, 1996.*
- [2] *Forsdyke S. Exile, Ostracism, and Democracy. The Politics of Expulsion in Ancient Greece. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2005.*
- [3] *Sappho et Alcaeus. Fragmenta. Ed. E.-M. Voigt. Amsterdam: Polak & van Genneep, 1971.*

- [4] *Fantalkin A., Lytle E.* Alcaeus and Antimenidas: Reassessing the Evidence for Greek Mercenaries in the Neo-Babylonian Army // *Klio*. 2016. Vol. 98. No 1. P. 90–117.
- [5] Alcée. *Fragments. Texte établi, traduit et annoté par G. Liberman*. T. 1–2. Paris: Les Belles Lettres, 1999.
- [6] *Page D.L.* Sappho and Alcaeus. An Introduction to the Study of Ancient Lesbian Poetry. Oxford: Clarendon Press, 1955.
- [7] *Raaflaub K.A.* The Newest Sappho and Archaic Greek-Near Eastern Interactions. In: *The Newest Sappho: P. Sapph. Obbink and P. GC inv. 105, frs. 1–4*; *Studies in Archaic and Classical Greek Song*, vol. 2 (Mnemosyne Supplements 392) / Ed. by A. Bierl, A. Lardinois. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 127–147.
- [8] Diodorus of Sicily. *The Library of History*. With an English translation by C.H. Oldfather. In 12 volumes. Vol. IV: Books IX–XII (Loeb Classical Library). London: William Heinemann LTD, 1956 (reprint).
- [9] *Tandy D.* Trade and Commerce in Archilochos, Sappho, and Alkaios. In: R. Rollinger and Ch. Ulf, eds., *Commerce and Monetary Systems in the Ancient World: Means of Transmission and Cultural Interaction*. Stuttgart: Fritz Steiner Verlag, 2004. P. 183–194.
- [10] *Rösler W.* Dichter und Gruppe. Eine Untersuchung zu den Bedingungen und zur historischen Funktion früher griechischer Lyrik am Beispiel Alkaios. München: W. Fink, 1980.
- [11] *Obbink D.* The Newest Sappho: Text, Apparatus Criticus, and Translation. In: *The Newest Sappho: P. Sapph. Obbink and P. GC inv. 105, frs. 1–4*; *Studies in Archaic and Classical Greek Song*, vol. 2 (Mnemosyne Supplements 392) / Ed. by A. Bierl, A. Lardinois. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 13–33.
- [12] Herodotus. *The Persian Wars*. Translated by A.D. Godley. In 4 volumes. Vol. I (Loeb Classical Library). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1920.
- [13] Strabo. *Geography*. With an English Translation by H.L. Jones. In 8 volumes. Vol. VIII (Loeb Classical Library). London: William Heinemann LTD, 1967.
- [14] *Suidae Lexicon*. Ed. A. Adler. In 5 volumes. Leipzig: B.G. Teubner, 1967. Vol. IV: Π–Ψ. Leipzig: B.G. Teubner, 1971.
- [15] *Dupont P.* Archaic East Greek Trade Amphoras. In: R.M. Cook and P. Dupont, eds., *East Greek Pottery*. London: Routledge, 1998. P. 142–191.
- [16] *Jeffery L.H.* The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C. Oxford: Oxford University Press, 1961.
- [17] *Spencer N.* Exchange and Stasis in Archaic Mytilene // *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece* / Ed. by R. Brock & S. Hodkinson. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 68–81.
- [18] *Мякин Т.Г.* Становление полисного строя на Лесбосе в VII–VI вв. до н.э. (этносоциальный аспект) // *История и социология государства* / Под ред. А.П. Деревянки. Новосибирск: издательство Новосибирского государственного университета, 2003. С. 5–12.
- [19] *Суриков И.Е.* Некоторые проблемы истории древнегреческих городов в регионе черноморских проливов // *Античный мир и археология*. Вып. 16. Саратов: издательство Саратовского Госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского, 2013. С. 24–38.

References

- [1] Osborne R. *Greece in the Making, 1200–479 BC*. London: Routledge, 1996.
- [2] Forsdyke S. *Exile, Ostracism, and Democracy. The Politics of Expulsion in Ancient Greece*. Princeton & Oxford: Princeton University Press, 2005.
- [3] Sappho et Alcaeus. *Fragmenta*. Ed. E.-M. Voigt. Amsterdam: Polak & van Gennep, 1971.

- [4] Fantalkin A., Lytle E. Alcaeus and Antimenidas: Reassessing the Evidence for Greek Mercenaries in the Neo-Babylonian Army. *Klio*. 2016;98(1):90–117.
- [5] Alcée. Fragments. Texte établi, traduit et annoté par G. Liberman. T. 1–2. Paris: Les Belles Lettres, 1999.
- [6] Page DL. *Sappho and Alcaeus. An Introduction to the Study of Ancient Lesbian Poetry*. Oxford: Clarendon Press, 1955.
- [7] Raaflaub KA. The Newest Sappho and Archaic Greek-Near Eastern Interactions. In: *The Newest Sappho: P. Sapph. Obbink and P. GC inv. 105, frs. 1–4): Studies in Archaic and Classical Greek Song, vol. 2 (Mnemosyne Supplements 392)*. Ed. by A. Bierl, A. Lardinois. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 127–147.
- [8] Diodorus of Sicily. The Library of History. With an English translation by C.H. Oldfather. In 12 volumes. Vol. IV: Books IX–XII (Loeb Classical Library). London: William Heinemann LTD, 1956 (reprint).
- [9] Tandy D. Trade and Commerce in Archilochos, Sappho, and Alkaios. In: R. Rollinger and Ch. Ulf, eds., *Commerce and Monetary Systems in the Ancient World: Means of Transmission and Cultural Interaction*. Stuttgart: Fritz Steiner Verlag, 2004. P. 183–194.
- [10] Rösler W. *Dichter und Gruppe. Eine Untersuchung zu den Bedingungen und zur historischen Funktion früher griechischer Lyrik am Beispiel Alkaios*. München: W. Fink, 1980.
- [11] Obbink D. The Newest Sappho: Text, Apparatus Criticus, and Translation. In: *The Newest Sappho: P. Sapph. Obbink and P. GC inv. 105, frs. 1–4): Studies in Archaic and Classical Greek Song, vol. 2 (Mnemosyne Supplements 392)*. Ed. by A. Bierl, A. Lardinois. Leiden, Boston: Brill, 2016. P. 13–33.
- [12] Herodotus. The Persian Wars. Translated by A.D. Godley. In 4 volumes. Vol. I (Loeb Classical Library). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1920.
- [13] Strabo. Geography. With an English Translation by H.L. Jones. In 8 volumes. Vol. VIII (Loeb Classical Library). London: William Heinemann LTD, 1967.
- [14] Suidae Lexicon. Ed. A. Adler. In 5 volumes. Leipzig: B.G. Teubner, 1967. Vol. IV: Π–Ψ. Leipzig: B.G. Teubner, 1971.
- [15] Dupont P. Archaic East Greek Trade Amphoras. In: R.M. Cook and P. Dupont, eds., *East Greek Pottery*. London: Routledge, 1998. P. 142–191.
- [16] Jeffery LH. *The Local Scripts of Archaic Greece. A Study of the Origin of the Greek Alphabet and its Development from the Eighth to the Fifth Centuries B.C.* Oxford: Oxford University Press, 1961.
- [17] Spencer N. Exchange and Stasis in Archaic Mytilene. *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece*. Ed. by R. Brock & S. Hodkinson. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 68–81.
- [18] Myakin TG. Stanovlenie polisnogo stroja na Lesbose v VII–VI vv. do n.je. (jetnosocial’nyj aspekt) [The formation of the polis system in Lesbos in VII–VI cent. BC (ethno-social aspect)]. In: A.P. Derevyanko, ed., *History and Sociology of the State*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 2003. P. 5–12. (In Russ.).
- [19] Surikov IE. Nekotorye problemy istorii drevnegrecheskih gorodov v regione chernomorskih proливov [On Some Problems of History of Ancient Greek Cities in the Region of the Black Sea Straits]. *Ancient World and Archaeology*. Saratov: Saratov State University Press. 2013;(16):24–38.

Информация об авторе:

Соломатина Елена Ивановна – научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН, e-mail: Solomatina_elen@yahoо.com

Information about the author:

Solomatina Yelena Ivanovna – Research Fellow Detachment for Comparative Studies of the Ancient Civilizations Institute of World History RAS, e-mail: Solomatina_elen@yahoо.com

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-277-285

Научная статья / Research article

Сельскохозяйственные работы на священных землях Аттики IV в. до н. э. по данным эпиграфики

Е.В. Булычева

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, д. 6
bulychevalena@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается вопрос о проведении сельскохозяйственных работ на священных землях древней Аттики (область Афин) в IV в. до н. э. Автор опирается на эпиграфические источники, которые представляют собой надписи на каменных стелах, содержащие тексты договоров об аренде священных земель IV в. до н. э., а также использует сведения античных авторов. Автор также привлекает научные работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные проблеме аграрных отношений в древнегреческом полисе. По мнению автора, анализ и изучение сельскохозяйственных работ на территории священных земель Аттики заслуживает отдельной статьи, поскольку исследование этого вопроса дает возможность более подробно рассмотреть аграрные отношения в афинском полисе IV в. до н. э., представить значение священного землевладения. В первой части статьи проведен анализ видов и характера сельскохозяйственных работ на священных землях (теменосах). Вторая часть посвящена проблеме ответственности арендаторов и арендодателей за выполнение работ на территории теменоса. В итоге автор приходит к определенным выводам. В IV в. до н. э. священные земли Аттики требовали особого ухода после завершения разрушительных действий Пелопоннесской войны. Теменосы находились в распоряжении полиса, в качестве их арендодателей выступали демы и религиозные союзы. Сдача земель в аренду позволяла обеспечить стабильное сохранение земельного фонда, обеспечить сельскохозяйственное развитие теменосов. Арендаторы (частные лица) обязаны были обеспечить тщательный уход за арендованными землями. При этом автор обращает внимание на тот факт, что в ряде случаев арендаторами были весьма известные, состоятельные граждане полиса, для которых участие в аренде священных земель являлось своеобразной литургией. В таких случаях сложно определить, кто выполнял сельскохозяйственные работы на сданных в аренду землях, скорее всего, это были специальные наемные работники, труд которых оплачивал арендатор. При этом, судя по сведениям эпиграфики, субаренда не использовалась.

Ключевые слова: сельскохозяйственные работы, Аттика, священные земли, аренда, эпиграфика, надписи

История статьи: Поступила в редакцию: 26.02.2021. Принята к публикации: 05.03.2021.

Для цитирования: Булычева Е.В. Сельскохозяйственные работы на священных землях Аттики IV в. до н. э. по данным эпиграфики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 277–285. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-277-285

© Булычева Е.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Agricultural work on the sacred lands of Attica IV B.C. according to epigraphica

E.V. Bulycheva

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya square, Moscow, Russian Federation, 125993
bulychevalena@yandex.ru

Abstract. This article deals with the issue of carrying out agricultural work on the sacred lands of ancient Attica (Athens region) in the IV century B.C. The author relies on epigraphic sources, which are inscriptions on stone steles containing texts of lease agreements on sacred lands of the IV century B.C, and also uses information from ancient authors. The author also attracts scientific works of domestic and foreign authors devoted to the problem of agrarian relations in the ancient Greek polis. According to the author, the analysis and study of agricultural work on the territory of the sacred lands of Attica deserves a separate article, since the study of this issue makes it possible to more thoroughly consider agricultural relations in the Athenian polis of the IV century B.C, to present the meaning of sacred land ownership. In the first part of the article, the author analyzes the types and nature of agricultural work on sacred lands (temenos). The second part is devoted to the problem of responsibility of tenants and landlords for the performance of work on the territory of temenos. As a result, the author comes to certain conclusions. In the fourth century B.C, the sacred lands of Attica required special care after the end of the devastating actions of the Peloponnesian War. The temenos were at the disposal of the polis, with demes and religious unions as their landlords. The leasing of land made it possible to ensure the stable preservation of the land fund, to ensure the agricultural development of the temenos. Tenants (private individuals) were required to provide careful care for the leased land. At the same time, the author draws attention to the fact that in some cases the tenants were very well-known, wealthy citizens of the polis, for whom participation in the lease of sacred lands was a kind of liturgy. In such cases, it is difficult to determine who performed agricultural work on the leased land, most likely, it was special employees, whose work was paid by the tenant. At the same time, according to the epigraphica, there was no sublease.

Keywords: agricultural work, Attica, sacred lands, lease, epigraphica, inscriptions

Article history: Received: 26.02.2021. Accepted: 05.03.2021.

For citation: Bulycheva E.V. Agricultural work on the sacred lands of Attica IV B.C. according to epigraphica. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):277–285. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-277-285

Введение

В эпоху древнего мира сельское хозяйство играло особую роль, составляя основу экономики. В Древней Греции IV в. до н. э. появляются труды выдающегося мыслителя Ксенофонта, который обращает внимание на ведущее значение сельскохозяйственных работ в жизни древнегреческого полиса, призывая граждан активно участвовать в возделывании земельных участков [1. С. 16].

В истории древних Афин IV в. до н. э. был весьма непростым временем. В конце V в. до н. э. завершилась Пелопоннесская война между Афинами и

Спартой, после окончания которой многие земли Аттики (области Афин) оказались в разорении и запустении [2. С. 43]. Среди таких земель были священные участки, называемые теменосами. Перед древнегреческим полисом возникла важная задача, связанная с проведением сельскохозяйственных работ на этих земельных участках, заботой об их процветании. В большинстве случаев эти земли находились в распоряжении территориально-административных подразделений полиса – демов и религиозных союзов, которые старались передавать теменосы в аренду частным лицам, поскольку по условиям арендного соглашения предполагался тщательный уход за этими территориями [2. С. 66–67].

В связи с этим цель настоящей статьи заключается в том, чтобы рассмотреть вопрос об организации сельскохозяйственных работ на территории теменосов в ходе аренды, представить состав участников арендной сделки, обеспечивающих надлежащий уход за священными землями. В качестве основного источника используется эпиграфический материал. Это надписи на каменных стелах из Аттики IV в. до н. э., которые представляют собой договора о сдаче в аренду священных земель. Прежде всего это документы, посвященные сдаче в аренду теменосов религиозными сообществами оргеонов. Особый интерес для изучения данного вопроса также представляют договора об аренде, в которых сказано о проведении сельскохозяйственных работ на священных землях, посвященных Аполлону Ликейскому и богу Гермесу. Весьма подробные сведения по интересующему нас вопросу также содержатся в договоре о сдаче в аренду теменоса героя Тесея, который находился на территории дема Пирея, а также в надписи о сдаче в аренду теменосов демом тейтрасийцев. Перевод и анализ текста этих документов дают возможность представить виды и характер сельскохозяйственных работ на территории теменосов. Тексты этих источников представлены в сборниках эпиграфических материалов, изданных за рубежом в XX в. Больше всего интересующих нас надписей содержится в сборнике, изданном под редакцией В. Диттенбергера [3]. Тексты о сдаче в аренду священных земель также встречаются в коллекции эпиграфических материалов, изданных Х. Плекетом в 1964 г. [4] В науке наименование этих сборников принято сокращать при ссылке на них в тексте научных трудов, как IG. и Pleket соответственно. В нашей статье также будут использованы эти общепринятые сокращения. Кроме того, в ряде случаев будут привлекаться сведения античных авторов, которые в своих трудах представляли состояние сельскохозяйственных работ на территории Аттики. Прежде всего это сведения Ксенофонта и Теофраста.

В историографии встречаются отдельные работы, в которых авторы обращаются к проблеме аграрных отношений в древней Аттике IV в. до н. э. В.Н. Андреев в своих трудах изучает развитие земельных отношений в Аттике, подробно анализируя эпиграфический материал [5]. Л.М. Глускина в своем специальном исследовании о социально-экономическом развитии Афин IV в. до н. э. подробно рассматривает систему сельского хозяйства, обращая внимание на виды земледельческих работ и категории сельскохозяйственных работников [6]. Из зарубежных исследований, посвященных теме

сельскохозяйственных работ в Аттике IV в. до н. э., следует назвать труд М. Финли [7], а также работу Р. Осборна, в которой автор обращается к проблеме аренды на землях Древней Греции IV в. до н. э. [8]. При этом, как правило, авторы подробно останавливаются на изучении сельскохозяйственных работ на частных землях, обращают внимание на систему организации труда крестьян Аттики, не рассматривая подробно вопрос о земледелии на территории теменосов. Между тем священные земли Аттики в силу их особого статуса имели важное значение для греческого полиса, и в связи с этим рассмотрение вопроса об организации сельскохозяйственных работ на этих территориях представляется нам весьма актуальным.

Система организации сельскохозяйственных работ на священных землях Аттики IV в. до н. э.

Судя по сведениям эпиграфики и сообщениям античных авторов, в Древней Греции священный участок земли (теменос), как правило, представлял собой территорию, на которой могли находиться поля и сады, а также различные культовые и хозяйственные постройки, посвященные какому-либо божеству или герою [2. С. 68]. Эти земли были под контролем полисных властей, которые во многих случаях передавали их в распоряжение отдельных подразделений полиса – демов или священных сообществ, которыми чаще всего являлись оргоны [2. С. 43–44]. Именно эти организации осуществляли контроль за священными землями, заботились об их развитии и процветании. В период Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.) многие земли Афин и их области Аттики подверглись разорению. Об этом сообщает древнегреческий историк Фукидид в своей «Истории» (III. 28. 3 – 4). При этом в нашем распоряжении нет подробных сведений о том, насколько пострадали теменосы. Однако можно предположить, что их также затронули события военных лет. В.Н. Андреев отмечает, что, не следует преувеличивать степень разорения аттического сельского хозяйства после завершения Пелопоннесской войны, но при этом не нужно отрицать тот факт, что события военных лет не могли не отразиться на развитии земледелия Аттики [5. С. 307–308].

Судя по сведениям эпиграфического материала, в Аттике IV в. до н. э. коллективы старались тщательно заботиться о сохранении рентабельности священных земель и с этой целью организовывали их сдачу в аренду. Основная часть договоров о сдаче в аренду теменосов содержит подробные условия соглашения для арендатора, что позволяет представить виды и характер сельскохозяйственных работ. В договорах о сдаче в аренду священных земель прежде всего содержатся указания на то, какие работы необходимо проводить на арендованном участке. При этом можно заметить, что они разделены на уход за полем и обработку сада. В случае проведения полевых работ предусматриваются специальные условия, связанные с посадкой и выращиванием полевых культур. Так, в договоре о сдаче в аренду священного участка бога Гермеса подробно представлен целый график земледельческих работ. Прежде всего сказано о том, что земельный участок, принадлежащий божеству,

необходимо возделывать попеременно, половину его следует засеять пшеницей и ячменем, на другой половине посадить молодые бобовые культуры, а часть оставшейся земли не засеивать (IG. II². 2493. 6 – 10).

В надписи о сдаче в аренду священных теменосов в Пирее также говорится о необходимости для арендатора проводить посев зерновых культур попеременно, оставляя часть земли под паром (IG. II². 2498. 20 – 25). Подобное описание весьма напоминает рассказ античного автора Феофраста о порядке выполнения сельскохозяйственных работ. Древнегреческий ученый также, как и составители договора об аренде, предлагает сеять пшеницу в два срока: первый и самый главный посев приходится на время около захода Плеяд. Второй срок – это начало весны после зимнего солнцестояния (Исследование о растениях. VII. 12). При этом у Феофраста, как и в договоре об аренде священной земли, особое внимание обращено на важность правильного распределения посевных площадей, когда после посева бобовых культур рекомендуется сажать пшеницу, поскольку после выращивания бобов почва становится более плодородной (Исследование о растениях. VII. 20). Ксенофонт в «Домострое» в главе о посевах также обращает внимание на то, что культуры необходимо сажать в определенном порядке, а часть земли должна оставаться незасеянной (17. 5 – 6). Таким образом, мы видим, что в Древней Греции существовала общепринятая практика возделывания зерновых культур, которой, по-видимому, старались придерживаться участники сельскохозяйственных работ на теменосах в Аттике IV в. до н.э.

Следование общей практике и тщательное соблюдение общепринятых правил заметно и в отношении садовых работ, проводимых на священных землях. В надписи о сдаче в аренду теменосов имеются особые предписания относительно выращивания плодовых деревьев. Так, в договоре о сдаче в аренду земельного участка Гермеса сказано о том, что необходимо дважды в год окапывать смоковницы и другие плодовые деревья, а также позаботиться о постановке частокола, чтобы дать возможность для произрастания молодой поросли (IG. II². 2493. 18 – 23).

Подобные предписания также содержатся в надписи, посвященной сдаче в аренду теменоса Аполлона Ликейского. В этом договоре говорится о необходимости провести специальные работы по обрезанию старых ветвей и удобрению почв для того, чтобы вырастить густые и крепкие оливы (IG. II². 2501. 8 – 10). В договоре о сдаче в аренду теменоса героя Эгрета также содержится предписание о необходимости тщательного ухода за садовыми деревьями и о посадке новых растений в случае, если какие-то из культур погибнут (IG. II². 2499. 14 – 18). Судя по сведениям договоров об аренде священной земли, при проведении сельскохозяйственных работ тщательно учитывались различные факторы. Скорее всего, особое внимание обращалось на местоположение участка, уровень плодородия почв, поскольку практически в каждом договоре говорится о том, с какими территориями граничит теменос, упоминается о нахождении на его земле водоемов, оврагов, рвов и других природных объектов [2. С. 66–67]. Подобные предписания можно встретить в договорах о сдаче в аренду частных земель [8. Р. 309–310], а также в арендных

соглашениях из других областей греческого мира, относящихся к IV в. до н. э. Судя по сведениям эпиграфики, в разных районах Древней Греции в IV в. до н. э. существовала практика сдачи священных земель в аренду, и условия арендных договоров предусматривали тщательное выполнение сельскохозяйственных работ. В качестве примеров можно назвать предписания договоров о сдаче в аренду теменосов из Аморгоса (IG. XII. 7. 62. 7 – 13), из Гераклеи (IG. XIV. 645. 1. 135 – 138), а также арендное соглашение относительно земельных участков храма Муз в Феспиях (Plek. 46 – 48).

Таким образом, мы видим, что в Аттике IV в. до н. э. осуществлялась тщательная забота о священных землях. Сельскохозяйственные работы на теменосах проводились в соответствии с общими правилами, принятыми на территории греческого мира.

Ответственность за выполнение сельскохозяйственных работ на священных землях Аттики IV в. до н. э.

Арендодатели (демы и религиозные союзы) передавали священные земельные участки в аренду гражданам, социальный статус которых сложно с точностью определить, поскольку в надписях даны имена этих лиц без указания на их социальную принадлежность. Можно предположить, что арендаторами были граждане, имеющие совершенно разное социальное положение. В договоре о сдаче в аренду священных земель в Пирее в качестве арендатора, скорее всего, был гражданин невысокого социального происхождения, поскольку арендная плата составляет весьма небольшую сумму 10 драхм ежегодно, которая выплачивается не сразу, а по половине (IG. II².2498,5–6). При этом Р. Осборн, изучая социальный состав арендаторов теменосов на разных территориях Древней Греции, предполагает, что в большинстве случаев это были весьма состоятельные и известные в полисе граждане, для которых участие в арендной сделке было исполнением своеобразной литургии, заключающейся в заботе о процветании храмового землевладения [8. Р. 287]. При этом возникает вопрос о том, кто выполнял сельскохозяйственные работы на священных землях, сданных в аренду. В случае, когда арендатор занимал невысокое социальное положение, по-видимому, он сам работал на земле. При аренде теменосов гражданами высокого социального статуса можно предположить, что эти состоятельные лица предоставляли специальных работников, труд которых они оплачивали сами [2. С. 104–105]. По данным эпиграфики случаи субаренды в Аттике IV в. до н. э. на общественных землях не выявлены [6. С. 58]. Судя по сведениям договоров об аренде теменосов, все арендаторы независимо от их социального статуса обязаны нести определенную ответственность при выполнении сельскохозяйственных работ. Прежде всего арендаторам предписано выполнять все необходимые земледельческие работы в соответствии с предусмотренным договором графиком (IG. II². 2493. 10 – 15; 2494. 10 – 15.2499. 5 – 10). Арендаторам также предписывалось следить за тем, чтобы за период аренды увеличилось количество урожая, был обеспечен своевременный уход за почвой и плодовыми деревьями (IG. II².

2493. 15 – 20; 2494. 15 – 16; 2498. 20 – 23). В соответствии с условиями арендного соглашения арендодатели требовали, чтобы арендаторы следили за поливом обрабатываемой территории. Так, в договоре о сдаче в аренду теменоса Аполлона Ликейского арендатору предписано позаботиться о том, чтобы земля постоянно орошалась (IG. II². 2494. 8 – 9). В арендном соглашении тейтрасийцев также сказано о необходимости обеспечить земельный участок своевременным поливом (Pleket. 46. 11 – 12). Такие предписания вполне объяснимы, поскольку следует учитывать, что на территории древней Аттики часто бывала засуха. Кроме того, многие территории находились в гористой, каменистой местности, где было весьма непросто организовать своевременный полив земельных участков [2. С. 67–68]. В ряде случаев арендаторам также предписано обеспечивать необходимое удобрение почвы. Так, в договоре о сдаче в аренду теменоса Гермеса сказано, чтобы арендатор позаботился об обеспечении правильного удобрения, в частности, говорится, что для выращивания плодовых деревьев необходимо своевременно вносить навоз (IG. II². 2493, 25 – 28). Греки прекрасно понимали необходимость внесения удобрения, учитывая то, что во многих случаях почвы были неплодородными, истощенными и нуждались в своевременной подкормке. Так, в ряде арендных договоров из других областей греческого мира, Аморгоса, Гераклеи можно встретить подобные предписания (IG. XII. 7.62; XIV. 645. 1). При этом, судя по сведениям надписей, организаторы сельскохозяйственных работ прекрасно понимали, что удобрение может принести не только пользу, но и вред, если его количество будет чрезмерным. В договоре об аренде теменоса Аполлона Ликейского арендаторам предписано «не пасти скот и не унавоживать земельный участок» (IG. II². 2494. 16 – 20). Можно предположить, что на земельном участке выращивали оливы, которые не нуждались в дополнительном удобрении, поскольку, по свидетельству Ксенофонта, удобренная почва для этих растений не всегда полезна (Домострой. 19. 9 – 10). Таким образом, мы видим, что участники сельскохозяйственных работ на сданных в аренду теменосах старались тщательно и правильно следить за обработкой этих земель, учитывая специфику почв, растений и другие факторы.

В случае, если арендатор нарушает какое-либо из требований по уходу за землей теменоса, к нему предъявляются определенные санкции [9. С. 304]. В частности, в договорах сказано, что арендатор должен посадить новые плодовые деревья, если какие-либо из них погибнут за время его аренды (IG. II². 2493. 29 – 30; 2499. 9 – 10). В некоторых случаях арендаторам запрещено рубить какие-либо плодовые деревья без специального разрешения со стороны арендодателя. Если они совершают подобное, то им грозит даже прекращение арендного договора (IG. II². 2494. 15 – 16).

В договоре тейтрасийцев об аренде священной земли на арендатора возложено обязательство по предоставлению арендодателям половины урожая в случае, если территория пострадала от вторжения неприятеля (Pleket. 41. 20 – 22). По-видимому, это связано с тем, что в середине IV в. до н. э. обстановка в Аттике была напряженной из-за угрозы вторжения со стороны Спарты или Македонии.

Заклучение

Таким образом, на основе всего вышесказанного можно сделать некоторые выводы. На территории афинского полиса в IV в. до н. э. было немало священных земель, которые требовали особого ухода. Демы и религиозные союзы, в распоряжении которых находились эти земельные участки, старались организовывать аренду теменосов, в ходе которой проводились сельскохозяйственные работы. В соответствии с условиями договоров об аренде священных земель арендаторам предписывалось выполнять различные требования, направленные на поддержание плодородия земель и выращивания разнообразных зерновых и плодовых культур. При этом эти предписания являлись общепринятой практикой, известной не только в Афинах, но и на территории других греческих полисов. В случае несвоевременного или недобросовестного выполнения арендаторами сельскохозяйственных работ на священных землях на них возлагались определенные санкции в виде предписаний о возмещении компенсаций утраченных зерновых культур или плодовых деревьев. Можно предположить, что с помощью таких мер полисные власти старались следить за полной сохранностью священных земель, обеспечить им дальнейшее процветание, что было особенно важно в связи с их статусом.

Библиографический список

- [1] *Булычева Е.В.* Ксенофонт как историк и писатель в трудах античных авторов // Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива. М.: РГГУ, 2020. С. 11–19.
- [2] *Булычева Е.В.* Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землей в полисе. М.: РГГУ, 2018.
- [3] *Inscriptiones Graecae. Consilio et auctoritate academiae litterarum Borussicae.* Vol. II–III. Berlin: Berolini, 1924.
- [4] *Pleket H.W.* Epigraphica. Vol. 1. Texts on Economic History of the Greek World. Leiden, 1964.
- [5] *Андреев В.Н.* Аграрные отношения в Аттике V–IV вв. до н. э. // Античная Греция. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 247–327.
- [6] *Глускина Л.М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л.: Наука, 1975.
- [7] *Finley M.I.* Studies in land and credit in ancient Athens 500–200 B.C. New Brunswick: New Jersey, 1952.
- [8] *Osborne R.* Social and economic implications of the leasing of land and property in classical and hellenistic Greece // *Chiron*. 1988. Vol. 18. P. 279–323.
- [9] *Булычева Е.В.* Права и обязанности арендодателей священной земли в Аттике (IV в. до н. э.) // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история, 2017. Том 9. № 4. С. 301–310.

References

- [1] Bulycheva E.V. *Ksenofont kak istorik i pisatel' v trudah antichnykh avtorov* [Xenophon as a historian and writer in the works of ancient authors]. *Pamyat' i identichnost' – II. Kto pishet istoriya: osobennosti formirovaniya istoricheskogo narrativna*. Moscow: RGGU Publishing House, 2020; P. 11–19. (In Russ.).

- [2] Bulycheva EV. *Drevnjya Attika v kontse V–IV vv. do n.e. Rasporjazhenie obchestvennoi zemlyey v polise* [Ancient Attica at the end of V – IV centuries B.C. the Disposal of public land in the policy]. Moscow: RGGU Publishing House, 2020. (In Russ.).
- [3] *Inscriptiones Graecae. Consilio et auctoritate academiae litterarum Borussicae*. Vol. II–III. Berlin: Berolini, 1924.
- [4] Pleket HW. *Epigraphica. Texts on Economic History of the Greek World*. Leiden, 1964.
- [5] Andreev VN. *Agrarnye otnosheniya v Attike V–IV vv. do n.e.* [Agrarian relations in Attica V–IV centuries B.C.], *Antichnaya Gretsija*. Moscow: Nauka Publishing House, 1983; P. 247–327. (In Russ.).
- [6] Gluskina LM. *Problemy social'no-ekonomicheskoy istorii Afin IV v do n.e.* [Problems of the socio-economic history of Athens in the IV century B.C.]. Leningrad: Nauka Publishing House, 1975. (In Russ.).
- [7] Finley MI. *Studies in land and credit in ancient Athens 500–200 B.C.* New Brunswick: New Jersey, 1952.
- [8] Osborne R. Social and economic implications of the leasing of land and property in classical and hellenistic Greece. *Chiron*. 1988;(18):279–323.
- [9] Bulycheva EV. Prava i obyazonnosti arendodateley svyachennoi zemli v Attike (IV v. do n. e.) [Rights and obligations of the lessors of the sacred land in Attica (IV century B.C)]. *Vestnik RUDN. Serija. Vseobchaya Istoriya*. 2017;9(4):301–310. (In Russ.).

Информация об авторе:

Булычева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета, 125993, Россия, Москва, пл. Миусская, д. 6, e-mail: bulychevalena@yandex.ru

Information about the author:

Bulycheva Elena Vladimirovna, candidate of sciences (history), associate professor department of world history, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya Square, 125993, Moscow, Russian Federation, e-mail: bulychevalena@yandex.ru

АГРАРНАЯ СТРУКТУРА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДРЕВНЕГО РИМА

AGRARIAN STRUCTURE AND ECONOMIC LIFE OF ANCIENT ROME

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-286-298

Научная статья / Research article

**Почему Катон не хотел кормить больных рабов,
или Некоторые наблюдения над римской экономикой рабства**

В.А. Квашнин

Вологодский государственный университет,
160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
kvashninv195@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию 2-й главы «Земледелия» Марка Порция Катона Старшего. В центре внимания находится рекомендация Катона не давать полный паек больным рабам, получивший широкую известность благодаря биографическому сочинению Плутарха. Не отрицая существования подобной практики, автор предпринимает попытку выявить ее корни, берущие начало в традициях народной медицины, что нашло свое отражение в 126–157 главах «Земледелия». В частности, обращает на себя внимание неоднократное упоминание автора о том, что прием лекарственных средств должен производиться на голодный желудок, для чего Катон устойчиво пользуется латинским термином *ieiunus*. В целом, в тексте сочинения Катона нашли отражение как архаические верования и нормы, так и новые черты мировоззрения, связанные с проникновением в сельское хозяйство Италии товарного способа производства и культурным влиянием более развитых цивилизаций Средиземноморья.

Ключевые слова: античная экономика, рабство, вилла, Катон Старший, *familia*, медицина

История статьи: Поступила в редакцию 17.02.2021. Принята к публикации: 03.03.2021.

Для цитирования: *Квашнин В.А.* Почему Катон не хотел кормить больных рабов, или Некоторые наблюдения над римской экономикой рабства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 286–298. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-286-298

© Квашнин В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Why Cato did not want to feed the sick slaves, or Some observations on the Roman economy of slavery

V.A. Kvashnin

Vologda State University,
15, str. Lenina, Vologda, Russian Federation, 160000
kvashninv195@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the Second Chapter “Agriculture” of Cato the Elder. The author pays the main attention to the advice of Cato not to give full rations to sick slaves, which became widely known thanks to the biographical work of Plutarch. Not denying the possibility the existence of such a practice, the author attempts to identify its roots, originating in the traditions of traditional medicine, which is reflected in the 126–157 chapters of Cato’s “Agriculture”. In particular, attention is drawn to the author’s repeated mention that medication should be taken on an empty stomach, for which Cato consistently uses the Latin term “ieiunus”. In particular, the author draws attention to the fact that Cato often mentions that the intake of medicines should be made on a empty stomach, for which the Roman author often uses the Latin term “ieiunus”. In general, the text of Cato’s work reflects work reflects as archaic beliefs and norms, as well as new concepts and values.

Keywords: ancient economy, slavery, villa, Cato the elder, *familia*, medicine

Article history: Received: 17.02.2021. Accepted: 03.03.2021.

For citation: Kvashnin VA. Why Cato did not want to feed the sick slaves, or Some observations on the Roman economy of slavery. *RUDN. Journal of World History*. 2021;13(3):286–298. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-286-298

Введение

Тема рабства в древнем обществе неизменно привлекала мнение исследователей, став на какой-то момент магистральной в советском антиковедении, особенно на стадии его становления. Применительно к истории древнего Рима одним из первых источников, позволяющих судить о наличии и развитости института рабства в период Республики, стало сочинение Марка Порция Катона Старшего «Земледелие». При этом внимание исследователей зачастую привлекали не многочисленные рекомендации, связанные с организацией труда, питания и отдыха сельских рабов, а отдельные высказывания римского автора, воспринимаемые вне контекста конкретной ситуации и эпохи в целом. Речь идет прежде всего о 2-й главе сочинения, в которой Катон советует избавляться от дряхлых и болезненных рабов (сюжет, уже ставший ранее предметом нашего исследования), также сокращать паек рабов во время их болезни. Ради справедливости следует указать, что в последнем случае речь идет всего лишь об одной фразе, внешне никак не связанной по содержанию ни с предшествующим, ни с последующим текстом этой главы (1). Тем не менее высказывания, мимоходом оброненные древним автором, породили обширную литературу, в которой присутствовала не только негативная

оценка личности самого Катона, но и предпринимались попытки на их основе делать выводы о развитости и характере рабства в римском обществе того времени. Ограничимся несколькими, наиболее яркими на наш взгляд примерами. Так, Анри Валлон, автор классического труда о рабстве в античном мире «*Histoire de l'esclavage dans l'antiquité*» (1847 г.), дает портрет римского рабовладельца эпохи Республики, явно имея ввиду Катона: «Расчетливость заставит переступить границы, охраняющие жизнь раба, и ... если некогда рекомендованное бережное отношение к рабам приносит господину убыток, если, например, раб или заболел, если его содержание становится невыгодным... расчетливость подсказывала, что состраданием можно пренебречь, и римлянин слишком часто повиновался этому голосу, не знавшему жалости» [1. С. 394]. Из этого автор делает вывод, что «со времени Катона положение рабов значительно ухудшилось» [1. С. 376, 381]. Не менее решительно дает оценку Катону Старшему М.Е. Сергеенко: «Катон рассматривает раба только как рабочую силу, из которой надо выжать как можно больше; никак нельзя допустить, чтобы расходы на ту силу превысили доход, который она дает: поэтому... если раб временно не может работать, ему надо на то время сократить паек... Интересы к рабу как к человеку... у Катона искать нечего» [2. С. 393–394]. В том же духе высказывается Э. Мароти, который пишет о том, что за стремлением сократить паек заболевшего раба стояли исключительно соображения выгоды и бережливости [3. С. 63].

Безусловно, свой вклад в формирование образа Катона внесла его биография, написанная Плутархом, и в особенности 4-я и 5-я ее главы, построенные в виде дидактического комментария к хозяйственным советам Цензора. Вместе с тем сочинение Плутарха не может рассматриваться в качестве самостоятельного источника, что довольно часто наблюдается в литературе. Поскольку Плутарх выступает лишь в качестве комментатора 2-й главы «Земледелия», очевидно, что основное внимание должно быть уделено непосредственно тексту Катона. В этой связи первостепенной задачей исследователя является восстановление контекста катоновских рекомендаций, что позволило бы не только максимально приблизиться к предмету исследования, по возможности полно и беспристрастно оценив его, но и минимизировать искажения, неизбежно привносимые иными историческими эпохами с характерными для них идейными веяниями и интеллектуальной модой.

«Патриархальный» и «катоновский» типы рабства

В литературе, посвященной социальному и экономическому развитию Римской республики, присутствует представление о существовании противоположных друг другу двух типов рабовладельческого хозяйства. Поскольку в нашем распоряжении имеется ряд сочинений римских авторов, посвященных ведению сельского хозяйства и хронологически сменяющих друг друга, неизбежно возникает соблазн на их основе выстроить модель, описывающую эволюцию римского рабовладельческого хозяйства. В период, предшествовавший времени написания «Земледелия», постулируется

существование «патриархального» типа рабства, для которого было характерно отсутствие чрезмерных физических нагрузок и резкого разрыва в условиях жизни рабов и их господ. В явно идеализированном виде этот тип хозяйства представлен в сочинениях Плутарха, описывающего образ жизни Катона Старшего, работавшего в поле вместе со своими рабами и разделявшего с ними хлеб и вино (Cat.Mai.3). По контрасту с последующим периодом такой тип ведения хозяйства воспринимается если и не как более гуманный по отношению к рабу (против чего решительно возражал В.М. Смирин), то, по крайней мере, связанный с меньшими затратами труда со стороны работника и отсутствием осмысленного стремления хозяина к всесторонней и максимальной эксплуатации данной трудовой единицы [4. С. 76].

В то же время, уже при жизни Катона Старшего, под влиянием роста товарно-денежных отношений, вливания в экономику Италии огромных средств, полученных за счет военной экспансии и массового проникновения предметов роскоши происходит переориентация сельского хозяйства на новый, «рыночный» лад. Зримым символом перемен стало появление виллы с возросшим штатом рабов, которые не только утрачивают непосредственную связь с господином, как правило, большую часть времени проводящего в городе, но и начинают более интенсивно эксплуатироваться, в том числе и под воздействием опыта более развитых экономических систем, существовавших в странах эллинистического мира и Карфагене. Как результат, происходит резкое ухудшение бытового положения сельских рабов, которые теперь не только вынуждены больше работать, но и рассматриваются как обезличенная трудовая единица, единственным предназначением которой является принесение максимальной пользы своему господину. В этом плане выглядит логичным стремление хозяина максимально сократить расходы, связанные с содержанием раба, особенно в период временной или полной утраты им трудоспособности.

Не имея возможности подробно остановиться на изложенной выше схеме, все же отметим, что если источники и не опровергают ее напрямую, то представляют картину куда более сложную и неоднозначную. Прежде всего следует отметить, что разбираемая нами рекомендация Катона прямо противоречит его же указанию на то, что «рабам не должно быть плохо: они не должны мерзнуть и голодать» (2). О том, что забота о питании рабов была частью широко распространенной практики ведения хозяйства, свидетельствуют аналогичные высказывания других авторов, писавших о сельском хозяйстве. Так, Варрон отмечает, что «прилежнее к работе рабы становятся, если хозяин щедрее наделяет их пищей» (3). Колумелла также пишет, что «хороший хозяин расспросит и у них самих, и у тех рабов, которые ходят без цепей и которым можно больше доверять, получают ли они все, что им причитается по их положению; он сам попробует, хороши ли у них хлеб и питье, осмотрит их одежду, ручные колодки, обувь» (4). То, что слова Катона не были просто риторическим упражнением, доказывает приводимый им рацион питания рабов (Agr.56). Как показал в свое время В.И. Кузищин, если римский гражданин во время прохождения военной службы получал в месяц 3,5 модия зерна, то Катон отпускал своим рабам от 4 до 4,5 модиев, не считая

приварка из маслин, вина, бобов и горячей пищи [5. С. 83]. В то же время следует обратить внимание на то, что администрации виллы в лице вилика, вилики и эпистата вне зависимости от сезона полагалось только 3 модия пшеницы. Как отмечает Е.М. Штаерман, никаких методов поощрения рабов, в том числе путем уменьшения или увеличения рациона, Катон не упоминает [6. С. 81]. Таким образом, размер пайка не воспринимался Катоном как средство поощрения или наказания рабов. Более того, и Катон, и последующие римские авторы важнейшим условием стабильности хозяйства считали хорошее физическое состояние как скота, так и рабов [1. С. 371; 2. С. 111; 6. С. 20; 7. С. 224, 230]. В то же время, как справедливо отмечал В.И. Кузищин, предостерегая от довольно распространенной в научной литературе методологической ошибки, при изучении экономического положения рабов зачастую смешивается их бытовое положение и собственно экономическая эксплуатация, степень которой определяется не столько через производственные факторы, сколько через трудности быта, количество и качество питания, одежды и жилищные условия [7. С. 223].

Более того, изучение бытового положения рабов демонстрирует своего рода парадокс. Как следовало бы ожидать, при переходе от условной «патриархальной» к не менее условной «катоновской» модели неизбежным должно было стать внедрение новых методов эксплуатации рабов, основанных на интенсификации и специализации их труда и снижении издержек на их содержание, что в своей совокупности привело бы к значительному ухудшению положения подневольного работника [7. С. 229–230]. Между тем по сочинениям Варрона и Колумеллы прослеживается определенная «гуманизация» отношения к рабу. Как подчеркивает М.Е. Сергеенко, уже у Варрона вводятся поощрения и награды для рабов, отсутствующие в сочинении Катона. Еще дальше идет Колумелла, который советуется с рабами о том, что и как нужно делать, особо подчеркивая необходимость с особым вниманием относиться ко всем нуждам раба, связанным с его здоровьем, питанием и одеждой. М.Е. Сергеенко особо отмечает, что «во всех предписаниях Колумеллы звучит отношение к рабу как к человеку» [2. С. 264].

Таким образом, мы можем видеть несколько разнонаправленных тенденций – одновременно с возрастанием эксплуатации несвободного работника с неизбежным, казалось бы, низведением его до положения «говорящего орудия» наблюдается рост интереса к личности раба, его заботам и потребностям. Возможно, происходит и улучшение рациона питания за счет его увеличения при одновременном снижении качества продуктов (например, путем замены пшеницы, являвшейся основой рабского пайка, менее ценными культурами) [7. С. 225, 237]. Это заставляет еще раз задуматься над тем, насколько применимыми к римскому обществу являются современные экономические категории без осознания его специфики и конкретного этапа эволюции основных общественных структур. Как отмечал А. Астин, употребление по отношению к Катону таких терминов, как «капиталист», «издержки», «инвестиции», зачастую создает впечатление куда большей его хозяйственной и финансовой изощренности, чем это имело место в реальности. Употребление

латинских терминов, связанных с ведением хозяйства, в современном значении заслоняет от читателя то обстоятельство, что они имели разнообразные коннотации, связанные с особенностями древнего общества. В полной мере это относится к катоновским рекомендациям по обращению с домашними рабами, которые были куда менее примитивными и более сложными, чем это обычно представляется. Для полноценного их понимания необходимо уяснение контекста, в котором раскрывается истинный смысл катоновского высказывания [8. Р. 259, 264, 350].

Что скрывает источник

Вернемся еще раз к наблюдению о том, что рекомендация Катона на первый взгляд находится вне связи с содержанием текста, в котором она размещена. Предваряющая ее часть 2-й главы по большей части посвящена работам, которые рабы могут выполнять в ненастные и праздничные дни. Перечислив их, Катон без какой-либо связи замечает, что во время болезни рабы не должны получать обычный паек. В предшествующем этому замечанию тексте нет ни слова о рационе питания обитателей виллы, так же как об этом не говорится и в завершающей части главы. В данном случае вызывает удивление, что Катон помещает свой совет во 2-й, а не в 56–57 главах, посвященных продуктовому и винному пайку рабов. А. Астин в этой связи высказывает предположение, что рекомендация Катона носила риторический характер, не отражая реальную практику ведения хозяйства [8. Р. 264–265, 350]. Вероятно, это имело бы смысл, если бы речь шла о корпусе речей Катона. Однако «Земледелие» производит впечатление сугубо утилитарного сочинения, посвященного вопросам узкоспециализированного характера, в связи с чем ожидать от автора стилистической изощренности не приходится, поскольку, прежде всего, это и не входило в задачу автора. Если уж искать риторические элементы в данном произведении, то скорее мы обнаружим их в предисловии, которое в этом плане выглядит исключением по сравнению с основным текстом, посвященном исключительно конкретным, не требующим литературно-философского осмысления вопросам. В то же время это позволяет нам прийти к выводу о том, что рекомендацию Катона не следует воспринимать в контексте хозяйственной деятельности.

Приписываемое хозяину виллы стремление к оптимизации и рационализации расходов путем экономии на больных и состарившихся рабах во многом основывается на эмоциональном комментарии Плутарха. При этом остается нераскрытым вопрос, насколько хорошо и глубоко сам греческий автор понимал тексты Катона. Помимо того, что есть сомнения в его хорошем или хотя бы удовлетворительном знании латыни, уже Цицерону язык Катона казался грубым и устаревшим, что для греческого автора, которого от знаменитого римлянина отделяло более двух столетий, было чревато массой проблем даже чисто лингвистического характера, вздумай он напрямую обратиться к его трудам (Brut. 17). В связи с этим речь должна идти о существовании некоего промежуточного звена, при посредничестве которого Плутарх мог

ознакомиться с творчеством Катона Старшего. В свое время Д. Кинаст высказал предположение, принятое отечественными исследователями, о том, что Плутарх в своей работе использовал грекоязычные сочинения, в которых римский герой обвинялся в различных пороках, в том числе и в плохом обращении с рабами [9. С. 25; 6. С. 178–179; 10. С. 157]. Ко времени жизни Плутарха в греческой литературе, по-видимому, уже долгое время существовало определенное направление, рассматривавшее проблему рабства, и, в частности, взаимоотношения господина и раба, в контексте философских и морально-этических категорий.

Требование гуманного отношения к рабам было важной чертой этого направления эллинистической мысли, в связи с чем представляется весьма вероятным, что обвинения Катона в жестокости и других пороках присутствовали в греческих политических памфлетах, и уже оттуда были заимствованы Плутархом (10. С. 157–159). Все это еще раз указывает на то, что сведения о Катоне в части его отношения к рабам, передаваемые Плутархом, следует воспринимать, прежде всего, в контексте греческой социальной мысли (11. Р. 277). то в свою очередь позволяет предположить, что высказывания Катона, породившие обширный комментарий Плутарха, могли быть связаны с совершенно иной проблематикой.

Для уяснения ее характера вновь вернемся к тому обстоятельству, что совет не давать больным рабам полный паек внешне никак не связан с содержанием 2-й главы. Тем не менее, как нам представляется, имеется зацепка, позволяющая уяснить подлинный смысл слов Катона. Речь идет о том, что за рекомендацией сократить паек больным рабам (*servi aegrotarint*) находится указание на необходимость избавиться от дряхлого и болезненного раба (*servum senem, servum morbosum*). Таким образом, две рекомендации Катона связывает тема увядания, истощения сил и болезней. Это определенно указывает на то, что их не следует рассматривать в контексте экономических вопросов или, если взять шире, хозяйственной деятельности владельца виллы. Как отмечал М. Мосс, в квинтском праве даже казалось бы исключительно юридические вопросы, например, связанные с передачей имущества (в том числе, тех же рабов и скота, относившихся к древнейшей категории *res mancipii*), как правило, смешаны с различного рода соображениями, не являющимися чисто юридическим или чисто экономическими [12. С. 173–174]. В этой связи укажем на возможное наличие в советах Катона архаических реминисценций, идущих от того, что обычно обозначается в литературе как традиционная культура, что мы попытались показать в случае с рекомендацией избавляться от старых и больных рабов [13. С. 137–158]. Впрочем, как образно обозначил суть проблемы В.М. Смирин на примере зафиксированной Гаем троекратной продажи отцом семейства подвластного сына, за этой архаикой может находиться еще более глубокая архаика [4. С. 16].

В поисках утраченного контекста

Как представляется, контекст разбираемого нами высказывания Катона следует искать в разделе, посвященном медицинским рекомендациям,

охватывающим главы с 126 по 157. В частности, обращает на себя внимание неоднократное упоминание автора о том, что прием лекарственных средств должен производиться на голодный желудок. Для этого Катон устойчиво использует термин «*ieiunus*», в данном случае передающий значение «на голодный желудок» или «натошак», как это делает М.Е. Сергеенко [14. Р. 821; 15. Р. 296] (5). Так, при лечении колик он советует принимать лекарство обязательно натошак (6). Эта рекомендация повторяется при лечении диспепсии (7). Капусту в лечебных целях также следует есть по утрам на голодный желудок (8). Катон особо отмечает необходимость для больного соблюдать диету и есть небольшими порциями. Он пишет о том, что больной может есть только одну капусту, если сможет, причем даже ее не следует давать помногу (Cat.Agr.156.6). В следующей главе Катон упоминает о желудке, который не работает из-за переедания (Cat.Agr.157.7). Точно также при необходимости очистительных процедур необходимо воздерживаться от еды в предыдущий день (Cat.Agr.157.12).

Показательно, что в главе 157-й, посвященной целебным свойствам различных видов капусты, которую, судя по всему, Катон считал главным лекарством при различных желудочных и кишечных недомоганиях, он не менее четырех раз использует слово «*ieiunus*», причем дважды оно встречается в границах одного абзаца (§ 8). Следует учесть, что при этом «*ieiunus*» используется в однотипной ситуации: 1) капусту «следует есть по утрам натошак»; 2) «есть его [блюдо из сырой капусты, руты, кориандра, ассафетиды, уксуса, меда и соли – В.К.] следует утром натошак»; 3) «давай человеку [жареную капусту с маслом и солью – В.К.] натошак»; 4) «утром натошак дай ему натертой капусты» (9). Можно заметить, что в данном случае для Катона характерно устойчивое употребление одних и тех же оборотов, достаточно сравнить «*hanc mane esse oportet ieiunum*» и «*hanc oportet mane ieiunum esse*».

Особо следует отметить, что аналогичные рекомендации даются им при лечении домашнего скота. Катон указывает, что заболевший вол должен принимать лекарство натошак, причем он использует ту же лексику, что и при описании лечения людей. Это хорошо видно на примере главы 71-й, где используется следующая конструкция: «*ieiunus ieiuno bovi dato*». Любопытно, что Катон в нескольких местах озвучивает требование быть голодным не только для больного животного, но и человека, который его лечит. «Дающему хорошо быть натошак», – отмечает он в 70-й главе. В 71-й главе Катон советует: «сам будь натошак и натошак вола пой». По всей видимости, здесь мы имеем с принципом симпатической магии, но в любом случае Катон явно не разделяет между собой методы лечения, используемые для людей и животных. Это можно видеть на примере 102-й главы, где дается рецепт лекарства при укусе вола змеей. Описав лечение, Катон указывает: «и то же самое, если понадобится, сделай и человеку» (10). На то, что это не единичный пример и не случайная оговорка, указывает описание жертвоприношения Юпитеру, которое отмечают «и волы, и пахари» (11). В 149-й главе Катон дважды использует словосочетание «рабы и/или скот», что указывает на устойчивость этой связки (12).

Отсутствие четкого разделения методов лечения людей и животных показывает сравнение близких по жанру сочинений римских авторов, посвященных организации сельского хозяйства. Так, Колумелла воспроизводит текст Катона о праздничных днях для скота и рабов с прямой отсылкой к Катону (II.21.5) [3. С. 62]. В полной мере это относится к его рекомендации лечить захворавшего вола сырыми куриными яйцами (VI.4.2–3, ср. *Cat.Agr.* 71). Варрон описывает болезни людей и животных, которые можно лечить, не прибегая к услугам врача (13). Однако куда ярче демонстрируют эту связь юридические источники. Следы представлений, нашедших отражение в тексте Катона, можно встретить в «Институциях» Гая, сохранивших множество архаических элементов римского правосознания, в разделе, посвященном положениям Аквиліева закона [4. С. 21] (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Gai.III.210	hominem alienum alienamue quadrupedem	чужого раба или чужое четвероногое домашнее животное
Gai.III.212	ex gemellis uel ex comoedis uel ex symphoniacis	один из пары лошаков, или из труппы актеров, или музыкантов
Gai.III.217	seruum uel eam quadrupedem	раба или четвероногое домашнее животное

В литературе неоднократно звучала мысль о том, что рабы были уподоблены скоту и домашнему инвентарю только в III в. до н.э., что и нашло свое отражение в положениях *lex Aquilia* [1. С. 310–311; 6. С. 170–171]. Однако в равной степени возможно и обратное: в норме закона получили закрепление существовавшие задолго до него и архаичные по своей природе представления, не разделявшие лица и вещи, находившиеся во власти и, следовательно, являвшиеся объектом господства главы семейства или рода [4. С. 8–10, 21, 71–72]. Как отмечалось, чем далее мы углубляемся в древность, тем в большей степени содержание термина *familia* относилось к категории *res*, включавшей как скот, так и рабов, составлявших ее важнейшую часть [12. С. 173]. Устойчивость подобных представлений можно видеть на примере «Дигест» Юстиниана, где помимо уже приведенных выдержек из сочинения Гая, сохранились цитаты из юридических трудов Квинта Муция Сцевола, Юлия Павла и Домиция Ульпиана (табл. 2).

Таким образом, за советом Катона ограничить питание больного раба могли стоять соображения не экономического (или, что будет точнее, псевдоэкономического) характера, связанные с приписываемому древнему автору априори погоней за прибылью и стремлению к сокращению расходов, а традиции и опыт народной медицины, нашедшие отражение в его трактате. Проще говоря, в своем сочинении Катон не рассуждает об экономических категориях в теоретической плоскости, но при этом отлично знает, какие болезни лечатся различными сортами капусты, принятыми натошак.

Таблица 2 / Table 2

Dig.IX.2.2 (Гай)	servum servamve alienum alienamve quadrupedem vel pecudem	чужого раба, или чужую рабыню, или четвероногое, или скот
Dig.IX.2.2.2 (Гай)	servis nostris exaequat quadrupedes, quae pecudum numero sunt et gregatim habentur, veluti oves caprae boves equi muli asini	к нашим рабам Аквилев закон приравнивает четвероногих, которые относятся к числу скота и составляют стада, как, например, овцы, козы, быки, лошади, мулы, ослы
Dig.IX.2.22.1 (Павел)	si quis ex comoedis aut symphoniacis aut gemellis aut quadriga aut ex pari mularum unum vel unam occiderit	если кто-либо убьет одного из актеров, или из музыкантов, или одного из близнецов, или одну лошадь из четверки, или мула из пары
Dig.IX.2.27.6 (Ульпиан)	hominem vel pecudem	убьет человека или домашнее животное
Dig. IX.2.27.22 (Ульпиан)	si mulier pugno vel equa ictu	женщина или кобыла выкинет
Dig.XXVIII.8.5.1 (Ульпиан)	veluti iumenta aut venalicia	вьючный скот или рабов
Dig.XXXIII.7.8 (Ульпиан)	veluti homines... praeterea boves domiti, et pecora stercorandi causa parata	рабы... домашние быки и скот, приобретенный для унавоживания
Dig.XXXIII.7.8.1 (Ульпиан)	greges pecorum pastores saltuarii	стада скота, пастухи и лесничий
Dig.XXXIII.12.8. (Ульпиан)	pecora... vel servi	скот... либо рабы
Dig. XXXIII.7.20 (Сцевола)	pecore et vilicis	скот и вилики
Dig.XXXIII.7.20.3 (Сцевола)	mancipiis et pecore	с рабами и скотом
Dig.XXXIII.7.22.1 (Павел)	cum mancipiis et pecoribus	с рабами и скотом

Заключение

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что сочинение Катона отразило многовековой опыт италийского крестьянства, адаптированный к новой экономической ситуации. Как отмечает В.И. Кузицин, во многих его советах «сквозит скорее узкий крестьянский экономизм, чем трезвый деловой расчет крупного хозяина – организатора» [5. С. 61]. Е. М. Штаерман писала о том, что в творчестве римских авторов – «агрономов» пережитки патриархальных традиций тесно переплетались с новыми явлениями социальной и политической жизни, в связи с чем, рассуждая о положении рабов, необходимо учитывать все эти моменты, воздерживаясь от слишком простых и однозначных решений [6. С. 196].

В полной мере то относится к разбираемой рекомендации Катона, на наш взгляд, не связанной со стремлением к оптимизации расходов на содержание рабов. Не беремся отрицать возможность наличия подобных соображений у древних авторов в принципе (и у Катона в том числе), но тем не менее, в данном случае полагаем, что в ее основе лежали установки, идущие от архаических в глазах современного человека представлений, связанных с традициями народной медицины (14). Как показывает текст «Земледелия», одной из таких установок являлось требование строгой диеты, необходимой для эффективного лечения. Возможно, она основывалась на наблюдениях за поведением домашних животных, которые во время болезни, как правило, отказываются от принятия пищи. Следует предположить, что в глазах Катона и последующих авторов, писавших об организации хозяйственной жизни поместья, не существовало принципиальной разницы в лечении людей и животных; напротив, судя по всему, оно основывалось на общих принципах и лекарственных средствах (травы, овощи, куриные яйца, вино и др.). С этой точки еще раз отметим, что сочинение Катона не являлось выражением специфической идеологии какой-то узкой социальной группы (к примеру, сенаторов, обладавших крупной земельной собственностью), а, напротив, опиралось на сложившуюся в течение долгого времени практику ведения сельского хозяйства в Италии, равно близкую как крупным, так и мелким земельным собственникам [13. С. 140].

Примечания

- (1) Cat.Agr.2 ... cum servi aegrotarint, cibaria tanta dari non oportuisse (когда рабы болели, им не следовало давать такой паек, здесь и далее пер. М.Е. Сергеевко).
- (2) Cat.Agr.5.2: familiae male ne sit, ne algeat, ne esuriat.
- (3) Varro.I.17.7: studiosiores ad opus fieri liberalius tractando aut cibariis aut vestitu largio.
- (4) Col.I.8.18: Itaque diligens dominus, cum et ab ipsis, tum et ab solutis, quibus maior est fides, quaerat an ex sua constitutione iusta percipiant. Atque ipse panis potionisque bonitatem gustu suo exploret; vestem, manicas, pedumque tegmina recognoscat.
- (5) Скорее всего латин. «*ieiunus*» происходит от прото-италийского *jagjūno, в свою очередь восходящему к протоиндоевропейскому *h₁yaǵ-yu-s, от **h₁yaǵ-* («приносить в жертву, жертвовать») [15. Р. 296–297].
- (6) Cat.Agr.126: ...*ieiunus* heminam bibito.
- (7) Cat.Agr. 127.2: dato *ieiuno*.
- (8) Cat.Agr.157.6: hanc mane esse oportet *ieiunum*.
- (9) Cat.Agr.157.6: hanc mane esse oportet *ieiunum*; 157.8: hanc oportet mane *ieiunum* esse; 157.8: dato homini *ieiuno*; 157.12: mane *ieiuno* dato brassicam...
- (10) Cat.Agr.102: et idem hoc, si usus evenerit, homini facito.
- (11) Cat.Agr.132.1: eo die feriae *bubus et bubulcis* et qui dapem facient.
- (12) Cat.Agr. 149.2: familia aut pecus ...; pecus et familia.
- (13) Varro.II.10.10: quae ad valitudinem pertinent *hominum ac pecoris* et sine medico curari possunt.
- (14) Согласно определению, которое дает Ю.В. Бромлей, народная медицина является продуктом коллективного народного творчества, представляя собой комплекс сложившихся в определенном регионе способов и приемов лечения, передаваемых устно из поколения в поколение и основанных на эмпирических наблюдениях [16. С. 213].

Библиографический список

- [1] Валлон А. История рабства в античном мире. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941.
- [2] Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. М.-Л.: Наука, 1964.
- [3] Мароти Э. *Feria in familia* (К пониманию Сато, *De agri cultura*, 138) // Вестник древней истории. 1970. № 2. С. 60–64.
- [4] Смирин В.М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура древнего Рима / Отв. ред. Е.С. Голубцова. Т. II. М.: Наука, 1985. С. 5–78.
- [5] Кузищин В.И. Эволюция италийского земледелия и возрастание эксплуатации рабского труда // Вестник Московского университета. Сер. IX (История). 1966. № 5. С. 77–95.
- [6] Штаерман Е.М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.: Наука, 1966.
- [7] Кузищин В.И. Античное классическое рабство как экономическая система. М.: МГУ, 1990.
- [8] Astin A.E. *Cato the Censor*. Oxford: Clarendon Press, 1978.
- [9] Kienast D. *Cato der Zensor: Seine Persönlichkeit und seine Zeit*. 3 Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft WBG, 1979.
- [10] Сергеенко М.Е. Из заметок о Катоне // Вестник древней истории. 1976. № 3. С. 154–159.
- [11] Wiedemann T. *Serves senes: The Role of Old Slaves at Rome* // *Polis. Revista de ideas y formas políticas de la Antigüedad Clásica*. 1996. 8. P. 275–293.
- [12] Мосс М. Общества, обмен, личность. Пер. с фр. М.: Восточная литература, 1996.
- [13] Квашнин В.А. Политика, право и религия в жизни римской гражданской общины (III–II вв. до н.э.). Вологда: Русь, 2006.
- [14] *Oxford Latin Dictionary* / Ed. by P. G. W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1968.
- [15] *De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden-Boston: Brill, 2008.
- [16] Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981.

References

- [1] Vallon A. *Istoriya rabstva v antichnom mire*. Moscow.: OGIZ-Gospolitizdat publ., 1941. (In Russ.).
- [2] Sergeenko ME. *Zhizn drevnego Rima*. Moscow – Leningrad: Nauka publ., 1964. (In Russ.).
- [3] Maroti E. *Feria in familia* (K ponimaniyu Cato, *De agri cultura*, 138). *Vestnik drevnei istorii*. 1970;(2):60–64 (In Russ.).
- [4] Smirin VM. *Patriarhalnye predstavleniya i ih rol v obshchestvennom soznanii rimlyan. Kultura drevnego Rima*. II. Moscow: Nauka publ., 1985;5–78. (In Russ.).
- [5] Kuzishchin VI. *Evolutsiya italiiskogo zemledeliya i vozrastanie ekspluatatsii rabского труда. Vestnik Moscovskogo universiteta*. IX (Istoriya). 1966;(5):77–95. (In Russ.).
- [6] Shtaerman EM. *Rastsvet rabovladelcheskih otnoshenii v Rimskoi respublike*. Moscow: Nauka publ., 1966. (In Russ.).
- [7] Kuzishchin VI. *Antichnoie klassicheskoe rabstvo kak ekonomicheskaya sistema*. Moscow: Moscow State University publ., 1990. (In Russ.).
- [8] Astin AE. *Cato the Censor*. Oxford: Clarendon Press, 1978.
- [9] Kienast D. *Cato der Zensor: Seine Persönlichkeit und seine Zeit*. 3 Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft WBG, 1979.

- [10] Sergeenko ME. Iz zametok o Katone. *Vestnik drevnei istorii*. 1976;(3):154–159. (In Russ.).
- [11] Wiedemann T. Servus senes: The Role of Old Slaves at Rome. *Polis. Revista de ideas y formas politicas de la Antigüedad Clásica*. 1996;(8):275–293.
- [12] Moss M. Obshchestva, obmen, lichnost. Transl. Moscow: Vostochnaya literatura publ., 1996. (In Russ.).
- [13] Kvashnin VA. Politika, pravo i religiya v zhizni rimskoi grazhdanskoi obshchiny (III–II vv. do n.e.). Vologda: Rus publ., 2006. (In Russ.).
- [14] *Oxford Latin Dictionary*. Ed. by P.G.W. Glare. Oxford: Clarendon Press, 1968.
- [15] De Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden-Boston: Brill, 2008.
- [16] Bromlei YuV. *Sovremennye problemi etnografii (oчерki teorii i istorii)*. Moscow: Nauka publ., 1981. (In Russ.).

Информация об авторе:

Квашнин Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры юриспруденции Вологодского государственного университета, e-mail: kvashninv195@mail.ru

Information about the author:

Kvashnin Vladimir Aleksandrovitch – doctor of sciences (history), professor department of jurisprudence, Vologda State University, e-mail: kvashninv195@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-299-309

Научная статья / Research article

Поместье ветерана как категория римской агрименсуры

И.А. Гвоздева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский пр., 27–4
innagvozdeva@mail.ru

Аннотация. Цель данного исследования состоит в том, чтобы проследить, как в агрименсуре Древнего Рима формировалось ветеранское землевладение. Основным источником по этой проблеме являются трактаты римских землемеров I–II вв. н.э. в авторском переводе. Они содержат сведения по принципам межевания земельных массивов для отставников и созданию их правовых гарантий. Задача данного исследования – реконструкция процесса гражданских ассигнаций земли в Древнем Риме и выделение особенностей этой акции, предназначенной для ветеранов. В конце II в. до н.э. в связи с реформами Гракхов в Риме наиболее употребляемым способом межевания земли стала лимитация. Она предполагала создание делителей, организующих пространство: *Decumanus Maximus* и *Cardo Maximus*. Их пересечение создавало четыре части будущего *Ager Colonicus* для ветеранов. Лимиты, параллельные главным, превращали поле колонии в четко организованную межевую решетку с квадратной единицей площади – центурией, в которой и нарезались участки ветеранам, предназначенные для земледелия, садоводства, виноградарства. Со времен Цезаря и Августа в римской агрименсуре решался вопрос о добавлении к пахотным землям угодий для выпаса скота. Наиболее желанными типами угодий стали не только леса, выгоны и реликты, но и «отрезки» от межевания. Эти незанятые центурии представляли собой хорошую пахотную землю, временно выделенную государством на условиях аренды новопоселенцам. В кадастре было создано особое право отрезков, унифицировавшее арендные отношения. Таким образом, хозяйство римского ветерана состояло из плодородной земли, пригодной для всех видов сельскохозяйственной деятельности, а также и разных категорий угодий, что способствовало развитию собственнических и владельческих отношений.

Ключевые слова: лимитация, центуриация, раздел, поле, ассигнация, участок

История статьи: Поступила в редакцию: 22.02.2021. Принята к публикации: 27.03.2021.

Для цитирования: Гвоздева И.А. Поместье ветерана как категория римской агрименсуры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 299–309. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-299-309

© Гвоздева И.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Veteran's estate as a category of roman land surveying

I.A. Gvozdeva

Lomonosov Moscow State University,
27–4 Lomonosovsky Ave., Moscow, Russian Federation, 119991, GSP–1
innagvozdeva@mail.ru

Abstract. The purpose of this paper is to investigate how did form veteran's landowning in the Roman land surveying. The main sources on the problem are the treatises of Roman land surveyers (1–2 centuries AD). They contain information about the principles of surveying of land plots for Roman retirees and about right guarantees the veterans had. The task of this article is reconstruction of the process of civic assignments in Ancient Rome and highlighting of features of this action when land was granted to the veterans. At the end of 2nd century BC the *limitatio* has become the most common way of land division thank to activities of brothers Gracchi. The *limitatio* assumed the creation of dividers that organized space: *Decumanus maximus* and *Cardo maximus*. Their intersection created four parts of the future Ager Colonicus for veterans. The limits parallel to the main ones turned the colony field into a clearly organized boundary grid with a square unit of area – centuria, within which the land plots (intended for tillage, horticulture, viticulture) were formed for veterans. Since the time of Caesar and Augustus, the question of adding grazing land to the arable land was decided in the Roman land surveying art. The most desired types of non-arable land was not only forests, pastureland and *relicta* but also *subseciva* – remainders from land division. Those vacant *centuriae* were a good arable land which the state temporarily allocated to new settlers on a lease basis. In the cadastre, a special right of remainders (*ius subsecivorum*) was created, unifying the lease relations. Thus, the farm of the Roman veteran consisted of fertile land suitable for all types of agricultural activities, as well as different categories of land, which contributed to the development of property and ownership relations.

Keywords: limitatio, centuriatio, divisio, ager, assignatio, locus

Article history: Received: 22.02.2021. Accepted: 27.03.2021.

For citation: Gvozdeva IA. Veteran's estate as a category of roman land surveying. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):299–309. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-299-309

Вступление

В 70-х гг. XX века работы профессора В.И. Кузищина определили направление исследования экономической истории древнего Рима в отечественной историографии [1; 2]. Его внимание ко всем элементам аграрной структуры Рима выразилось в частности и в изучении тех единиц площади, на которых создавались типовые поместья по примеру виллы Катона (Cat. I.7; II.1). По мнению В.И. Кузищина наиболее распространенной мерой площади в Риме была центурия в 200 югерв [1. С. 70; 2. С. 65]. Действительно, в конце Республики – начале Империи эта единица площади уже часто встречается на землях Италии. Но была ли эта центурия нормативом эпохи Катона? Этот вопрос требует рассмотрения.

Ведь именно 200-югеная центурия стала наиболее популярной мерой для проведения assignatio, т.е. для передачи земли в собственность на agri

divisi (CAR. S. 53–54; 80–81). Но можно ли именно ее считать расчетной единицей поместья во времена Катона? Ведь все его рекомендации сводились к купле-продаже (*emptio-venditio*) (Cat. I.3; Col. 1,2,3; Varro. RR. I.18). И вилла Катона была создана не в результате *assignatio*. Более того, при Катоне процесс создания *agri divisi* еще только начинался (CAR. S. 1–3) [3. S. 41–42]. Ассигнация же в период архаики давала лишь самое общее представление о площади [4. S. 8].

Agri divisi – как категория земель, предназначенных в *assignatio* формировалась в течении всего периода Республики [5]. На них осуществлялась *assignatio viritanum* – предписание участков «по мужам». Возможности задачи земель римским гражданам возрастали по мере завоевания Италии. На что же ориентировались в Риме при определении *assignatio*? Прежде всего, на *heredium* – для гражданина в виде участка земли – *locus* (I. С. 226, 235, 239). *Assignatio* в период архаики на практике была как *locatio* – т.е. проводилось лишь определение места участка по признакам рельефа (CAR. S. 1–3). Подобный способ предоставления земли гражданину был единственно возможным для архаической *civitas*. Ведь важно было в первую очередь закрепить место и обозначить границу участка – *finis* (CAR. S. 5). Полного расчета площадей еще не наблюдалось. И даже в конце II в. до н.э. гражданские участки могли выделяться как *locavit* (CIL. I.585). По мнению А. Рудорффа, такой *ager viritanus* сразу становился *privatus* (SRF. II. S. 285, 287). Эти утверждения, снижавшие роль *civitas*, справедливо оспаривались Ф. Кастаньоли [6. P. 23–36], Дж. Бредфордом [7. P. 164–168] и В.И. Кузициным [8].

Limitatio – формирование научно-технической базы *divisio*

Развитие римской агрименсуры началось с *occupatio Ager Publicus*. *Agri occupatorii* патрицианских родов указывали на площадь способом *locatio*, фиксируя границу по рельефу местности и не определяя участки даже по качеству почвы (CAR. S. 78). Граждане плебейского происхождения могли рассчитывать на *assignatio* от государства. И, если *locatio* оккупированных земель проходила быстро, то для ассигнации необходимо было выделить некий массив плодородных земель из *Ager Publicus*. Ассигнация осуществлялась с более точным определением границ такого земельного блока, превращавшегося в *ager divisus* (CAR. S. 53). Подобная акция требовала от *civitas* значительных усилий, которые, однако, могли хотя бы частично решать аграрный вопрос. Здесь пока тоже господствовал *locus-princip*, но все же проводилась классификация типов земель. Поскольку, земли *inculta* не шли в *assignatio*, то необходимо было провести *divisio* одного типа поля от другого (CAR. S. 32).

Окончательное утверждение *divisio*, выделявшего *assignatio* граждан, произошло во время гракханских реформ. Эти поля стали для новых владельцев типом *agri divisi*, и в конце II в. до н.э. их делили лимитами, проведенными в строго определенном направлении, что наглядно отделяло площадь *assignatio*. По мнению Ф. Кея, лимитация воспринималась не просто как новшество, а как настоящая революция в землеустройении [9. S. 160–161; 167].

Именно лимитация могла технически способствовать решению аграрного вопроса, особенно обострившегося в конце Республики в связи с наделением землей еще и ветеранов.

Limitatio происходила из *Disciplina Etruscae*, откуда римляне взяли в первую очередь *orientatio* лимитов по странам света (CAR. S. 10–11, 131). Заслужой Рима явилось и то, что акцию *orientatio* удалось выделить из этрусского ритуала. Это был первый шаг к другому принципу организации земельного пространства: *modus-princip* (CAR. S. 132–135). Однако практика римского межевания в конце Республики очень медленно переходила от геометрически неопределенных форм участков (*lacinae et praecisurae*) к утверждению прямоугольной формы площади, а именно делению на *scamnum et striga* (CAR. S. 1, 53; fig. 41, 111). Так, известно, что *agri divisi* в Кремоне делились на скамьи и стриги (Liv. XXXI.40.58; CAR. S. 134). Справедливым представляется утверждение А. Шультена, что до лимитации в Риме даже при внедрении прямоугольной единицы площади о характере земельного массива накануне ассигнации по-прежнему было лишь самое общее представление [4. S. 8]. Тем не менее, в римской агрименсуре продолжала создаваться и квадратная единица площади. Гракхи применили ее в виде 200-югерной центурии (I. С. 219). Они исходили из принципа *heredium*, рассчитывавшегося в югерах (Varro. RR. I.10.2). Ведь, югер, включавший 2 акта, был квадратом (Varro. RR. I.10.1; CAR. Fig. 30). Создавалось впечатление, что и вся римская агрименсура основывалась на идее квадрата, ведь и 200-югерная центурия рассматривалась как *heredium*, увеличенный в 100 раз.

Гракхи оценили преимущества лимитации, создававшей точное измерение площадей (I. С. 209, 210). Именно после их реформ центурия в 200 югеров стала рассматриваться, как классическая единица площади для крупных ассигнаций (Plut. Gai. XXXI; I. С. 229, 230) [10. P. 11]. В послегракханское время нарастала тенденция в проведении земельных ассигнаций не по *locatio*, а по *mensura* [11. 67–79, 98–100; 12].

Принципы ветеранской ассигнации

Именно этот принцип стал использоваться при наделении землей ветеранов. Так, ассигнации Суллы потрясли всю Италию. Диктатор опирался на научно-технические достижения I в. до н.э. при подготовке земельного массива для передачи участков своим отставникам. Он выбрал *limitatio* через 200-югерную центурию как единицу площади (App. В.С. I.1.100,470). Как и Гракхи, он смог ее применить лишь в отдельных местностях Италии. Но если действия Гракхов по конфискациям соотносились с общими правовыми представлениями граждан, то Сулла продемонстрировал полное пренебрежение к *Ius Civile*. Ведь лимитация была проведена для его ветеранов на землях граждан, казненных без суда и следствия, а Сулла, завершив эту акцию, назвал себя *auctor divisionis* (CAR. S. 129). Это было как бы своеобразной гарантией для отставников. Главным же итогом оказалось то, что «соратники» Суллы получили землю как *praedium*. Это противоречило идее *heredium*, хотя

научно-техническая база и полностью соответствовала лимитации (I. С. 232, 236). То же, что Сулла назвал своих ветеранов *coloni*, показывало его желание создать новый тип поселения – как административную единицу Италии (CAR. S. 129–130).

Цезарь – оформление элементов ветеранских ассигнаций

Следующий этап ветеранских ассигнаций был проведен Цезарем, перед которым стояла еще более сложная задача – смоделировать хозяйство отставника и дать ему правовые гарантии. А ведь только на *Ager Campanus* ему пришлось подселить 20 тыс. ветеранов (Suet. Caes. 20). Учитывая перенаселенность этого района, Цезарь выбрал расчетной единицей не классическую центурию, а более мелкую единицу площади, созданную особыми «прерывистыми лимитами» (*limites intercessivi*). Единицу площади, образованную прерывистыми лимитами, обозначали так же, как центурию, хотя она была лишь 16 x 16 актов (I. С. 231). Зато на этих малых площадях Цезарь усилил акцию – *terminatio*. Он расставил межевые знаки – *termini* – в углах этих центурий (I. С. 212).

В других же районах Италии Цезарь ассигновал по 200-югерной центурии как расчетной единице площади [13. P. 8–9]. Но его восприятие крупной центурии было именно как суммы четырех 50-югерных центурий, часто используемых при продаже земли (I. С. 242). Кроме того, планируя *assignatio*, Цезарь не удалял из списков получателей тяжелораненых и умирающих. В его расчетах оставались участки этих умерших воинов, получившие название – *soluti* (CAR. S. 124; I. С. 214). Под таким обозначением встречались даже целые центурии, земля которых была *culta*. Диктатор смотрел и на эти незакрытые центурии, и на их фрагменты, как на резерв для будущих наделений.

Цезарю принадлежит и установление порядка ветеранских ассигнаций. Первой проводилась *limitatio*, затем создавалась система межевания, согласно единице площади – *centuriatio*, и только после этого наступал этап самой *assignatio* – наделения участками земли (App. B.C. V.16,166; CAR. S. 126, 165–166). Этот порядок предусматривал подготовку *agri divisi* и на новых площадях, и при перемежевке древних ассигнаций (I. С. 215, 234). Кроме того, сложность как гражданских, так и ветеранских наделений заключалась в том, что в Италии продолжали действовать различные линейные меры, и меры площади. Кроме 12-ричной этрусской системы и 10-ричной греческой использовалась еще и оско-умбрская система счета (Col. RR. V.1.4; Liv. V.34; CAR. Fig. 20) [14; 7. P. 140].

Важно, что при такой пестроте мер площади во времена Цезаря все же закрепилась 200-югерная центурия при межевании крупных площадей [15. S. 83–85; 3. P. 57–58; 9. P. 137–138]. Цезарю удалось технически отработать *divisio* для ветеранов. Структурообразующим элементом римской агрименсуры диктатор считал *limitatio* [16]. Именно он и понял, что настала пора отойти от ориентации по природным признакам и проводить лимиты по точным направлениям (CAR. S. 82–86). В лимитации на 200-югерные центурии Цезарь увидел геометрическую базу всей римской агрименсуры [17. P. 119,

121; 18. P. 204–208; 19. 200–204]. Такое наблюдение было очень важным, т.к. в Италии по-прежнему чаще применялась привычная 50-югерная центурия, удобная как при продаже земли, так и при жеребьевках участков (CAR. S. 116–117; fig. 52–67).

Можно согласиться с мнением А. Рудорффа, что именно Цезарь придал делителям-лимитам функцию общественных дорог нового поселения (CAR. S. 71, 123) (SRF. II. S. 347, 350). Вся система центуриации была приспособлена Цезарем к задачам функционирования хозяйства ветерана [15. S. 58–61]. Здесь уместно упомянуть замечание Цицерона, подчеркнувшего, что серьезной юридической базой Цезаря при ветеранских наделениях были его *legae Iuliae* (Cic. Phil. V.53). Проведенное наделение Цезарь обозначал как «поле, ассигнованное Цезарем» (I. C. 246). Каждая часть жребия ветерана выделялась священной границей – *finis*, выполнявшей и роль частной дороги (CAR. S. 164–167). Демонстрируя предпочтение 200-югерой центурии, Цезарь использовал и другие меры (I. C. 242) [7. P. 208, 311]. В Апулии, Калабрии и в отдельных районах Этрурии расчеты площадей шли по прямоугольным центуриям в 210 югеров (I. C. 216). Более того, в некоторых случаях он даже использовал сулланские лимиты (App. B.C. II.10; Svet. Iul. 20.3). Но если Сулла не составлял планов наделения своих ветеранов, то Цезарь оценил их значение как гарантов новой собственности. Правда, его план – *aes miscellum* (смешанный) сохранял и сведения о тех ветеранах, что умерли от ран за время подготовки ассигнаций. Это обстоятельство могло стать объектом контroversий, однако Цезарь подобные сведения сохранял для наследников (CAR. S. 118).

Уже Цицерон указывал на необходимость разработки абсолютно всех нормативов по *promissio agrorum* для отставников. Он настороженно относился к формуле «*qui arari aut coli possit*» (Cic. de leg. agr. II.67). Великий оратор и юрист видел здесь возможность возникновения напряженности в тех местностях, куда выводились ветераны. Поскольку согласно этой формуле выделялся участок *ager cultus*, то была возможность ее распространения и на *utilis*. Мы склонны согласиться с А. Рудорффом о справедливости предположения Цицерона (SRF. II. S. 361).

В Италии продолжал сокращаться фонд *Ager Publicus* (Suet. Iul. 20.3). Однако Цезарь все же пытался сохранить принцип *heredium* при наделениях и далее определить этапы ассигнаций (Cic. Fomin. IX.17.1–2). Это можно даже считать и заслугой Цезаря, стремившегося так поддержать социальное спокойствие в регионах (Liv. V.30) (SRF. II. S. 352). Понимая, что *praetium* становится более важным показателем, он все же сохранял хотя бы внешнее сходство ветеранских и гражданских наделений (CAR. S. 141). Именно поэтому Цезарь и оставил жеребьевку участков при распределении их внутри центурии (CAR. S. 118, 164–167).

Важнейшим итогом анализа, проведенного Цезарем по центуриации, было то, что он выявил категорию «отрезков» от межевания. Подобные отрезки (*subsecivi*) могли составлять резерв для дополнительных наделений [20. S. 429; 21. P. 39–44]. Возможно, он предполагал использовать отрезки земли категории *culta* для развития не только собственных, но и

владельческих отношений новопоселенцев, но необходимый механизм *concessus* таких участков Цезарь не разработал (CAR. S. 10, 121, 123, 136; Cic. Phil. V.53). Самым важным типом угодий была опушка леса – *pasqua*, пригодная для выпаса скота. Но и сам лес (*silva*) был желанным угодем для новопоселенцев (CAR. S. 128).

После Цезаря вторые триумвиры старались использовать 200-югерную центурию как основную меру площади (Liv. IV. 48; SRF. I. 213, 226). Хотя и для них, эта мера была скорее суммой четырех 50-югерных центурий, привычных при квесторских продажах (CAR. S. 135). Триумвиры старались приспособить и лимитацию, и центуриацию к местным условиям (App. B.C. V.116.66). Среди ранее размежеванных земельных массивов им приходилось указывать *auctor divisionis*, поскольку выделенный ветеранам блок земли часто не имел границы, отделявшей его от земель муниципиев (CAR. S. 7, 45). Все же их решение о наделении ветеранов Цезаря землей из 18 общин Италии вызвало некое недовольство (App. B.C. IV.3; V.12–14; 32–49).

Правовые гарантии ветеранских ассигнаций при Августе

Август, получив всю полноту власти в Империи, старался оформить ветеранскую собственность как *dominium ex iure Quiritium*, т.е. опираясь на категорию *heredium*. Именно при нем и были сформулированы все нормативы ветеранских наделений. Избрав центуриацию основной системой межевания, Август подтвердил происхождение категорий *orientatio*, *limitatio* из Этрусской Дисциплины (CAR. S. 131–132). На практике точность ориентации способствовала закреплению в римском межевании *modus-princip*. Отличительной чертой римской агрименсуры теперь становится четкий геометризм. Типы же полей *divisi et assignati* предназначаются для наделений ветеранов (CAR. S. 53–54). Поскольку *divisio* стало главной идеей римской агрименсуры, Август использовал этот принцип для межевания земель провинций, куда планировалось вывести колонии ветеранов (CAR. S. 167–169). Понимая, что для отставников *praetium* становится важнее *heredium*, Август, как и Цезарь, пытался придать ветеранским наделениям вид гражданских ассигнаций, сохраняя жеребьевку частей наделов получателей (CAR. S. 164–167). Он провел в жизнь замысел Цезаря, что ветеран мог использовать в хозяйстве не только *ager cultus*, но также и *incultus*. Пытаясь сохранить традиции *heredium* при расчете наделов, он все же оформлял их как *praetium* за службу, преимущественно через *modus* (CAR. S. 162–164).

Ager Colonicus, размежеванный в системе центуриации, создавал хорошие возможности для такого расчета. Кроме того, на поле колонии оставались так называемые *subsecivi* – важный элемент для решения аграрного вопроса. Август разработал специальный *ius subsecivorum*, согласно которому ветерану предоставлялись для использования эти отрезки, как государством, так и администрацией отдельной колонии (CAR. S. 165).

Надел ветерана планировался не менее 1/3 от 200-югерной центурии (66 2/3 югера). Сохраняя жеребьевку, Август приказывал и эту площадь

распределять в виде трех частей в разных центуриях (CAR. S. 163). Но при составлении кадастра он уже разработал и механизм обмена частей жребия на соответствующие эквиваленты, чтобы дать возможность образовать единое имение (CAR. S. 163). Особенно наглядно просматривалась возможность создать из частей жребия единое имение на больших площадях колонии Августы Эмериты (CAR. S. 1–2). Каждая часть жребия колониста имела абсолютную гарантию в виде номера центурии, названия лимита и *finis* самого участка с межевым знаком на ней (CAR. S. 53–54). Это была сложная и трудоемкая работа. Ведь на масштабность этих операций указывает число демобилизованных 29 г. до н.э. – 120 тыс. человек (RGDA. XV.3). Но, если выведение ветеранов на землю Италии можно рассматривать как подселения, то в провинциях для 150 тыс. ветеранов создавались уже самостоятельные административные единицы (RGDA. XXVIII.1). *Praemium*, а не земля, начинает играть все более важную роль (Dio. Cass. Hist. 25.5). Именно задержка денег могла вызвать недовольство (Tac. Ann. I.17).

При создании ветеранской колонии в первую очередь выбиралась точка отсчета межевания, как правило, на возвышенности, с которой проводилась ориентация главных осей. *Decumanus Maximus* пробивалась в направлении Восток–Запад, а *Cardo Maximus* – Север–Юг. Их пересечение создавало крест делителей, намечая 4 части поля колонии (CAR. S. 54). В каждой части параллельно DM и CM проводились лимиты (CAR. S. 71–72). Поскольку все делители были дорогами, то свободный доступ был к каждой единице площади (CAR. S. 75–76). DM и CM были самыми широким дорогам колонии, но и все лимиты обеспечивали проезд транспорта к участкам. Важную роль играли так называемые *limites quintarii*, отделявшие каждую пятую центурию. Пересечение этих квинтарных лимитов образовывало такую единицу площади колонии, как *saltus* (CAR. S. 139–140).

Расширение ветеранского землепользования

Система центуриации создавала все условия для максимального использования земель категории *culta*. Остатки от межевания, бывшие хорошей пахотной землей, Август мог предоставлять в пользование под угодья, что обеспечивало ему *ius subsecivorum* (CAR. S. 66). Но заслугой Августа можно считать и то, что это право он распространил на все типы полей *inculta*, оказавшихся в границах ветеранской колонии (CAR. S. 40). Естественно, что они служили новопоселенцам угодьями (CAR. S. 161). Согласно *ius subsecivorum* на них могли выпасать скот пять или шесть владельцев ближайших участков за *vestigal* (CAR. S. 47). Следовательно, *ius subsecivorum* Августа способствовало и развитию владельческих отношений (CAR. S. 66). Если же какой-либо участок мешал доступу к угодьям, то его владелец обязан был предоставить сервитут (*iter*) – проход к нему (CAR. S. 10). В противном случае могла возникнуть контрверсия «*de itineribus*» (CAR. S. 69). Пригодным для угодий на поле колонии был и *ager relictus* (CAR. S. 9, 47). В отличие от угодий, возникших на отрезках, реликтовое поле было *incultus*. Распределение таких площадей

между желающими взять на них аренду проходило по древней *locatio*. Ф. Грелле считал это проявлением *ius gentium* на поле колоний [22. P. 168]. На практике такая локация на угодьях осуществлялась через тип межевания *arcifinius* (CAR. S. 55–56). Так, этот древнейший способ выделения земли по природной границе Август сохранил в своем кадастре (CAR. S. 7–8) [23]. *Arcifinius* в римской агрименсуре служил выражением *occupatio Ager Publicus* (CAR. S. 56, 78). В кадастре он сочетался с господствующим *modus-princip* (CAR. S. 67). Все типы угодий (леса, выгоны, реликты) предоставлялись новопоселенцам на условиях аренды за *vectigal*. Но согласно *ius subsecivorum*, этот же налог взимался за аренду отрезков от межевания. Вот этот вид угодий отличался от природных тем, что принципс или администрация колонии могли их изъять у поселенцев, отменив условия аренды.

Заключение

Согласно *ius subsecivorum* Августа колонисты могли на отрезках от межевания создавать и совместное пастбище – *comprascuus* (CAR. S. 121). Этот, наиболее желанный для всех ветеранов тип угодий, имел ту же судьбу, что и все прочие, образовавшиеся на отрезках. В отличие от природных угодий, он мог быть использован государством как резерв для ассигнации. Все споры по угодьям, предоставляемым за *vectigal*, проводились при участии экспертов по межеванию (*agrimensores*). Однако на реликтах эти контroversии имели другой статус, т.е. судопроизводство велось по обычному праву (CAR. S. 9, 47).

Так, поместье ветерана получило уже законченный вид на базе кадастра Августа. Оно было обеспечено точной гарантией неприкосновенности границ земель категории *culta*, вошедших в имение нового владельца. Издание планов межевания, обеспечивало документальную правовую основу существования такой земельной собственности. Арендные отношения на угодьях всех типов расширяли хозяйственные возможности имения нового владельца. Все это создавало хорошие условия для развития комплексного хозяйства в условиях обеспечения развитой дорожной сети, способствующей дальнейшему процветанию Средиземноморья.

Библиографический список

- [1] Кузицин В.И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1973.
- [2] Кузицин В.И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. – I в. н. э.). М., 1976.
- [3] Lintott A. Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic. Cambridge, 1992.
- [4] Schulten A. Die Römische Flurteilung und ihre Reste. Berlin: Weidmann., 1898.
- [5] Гвоздева И.А., Гвоздева Т.Б. *Agri divisi* в римской агрименсуре // Аграрное и земельное право. 2020. № 9 (189). С. 95–98.
- [6] Castagnoli F. Le ricerche sui resti della Centuriazione. Roma, 1958.
- [7] Bradford J. Ancient landscape: Studies in field archeology. L.: Bell, 1957.

- [8] Кузищин В.И. Формирование права частной собственности в римской юриспруденции во II–I вв. до н.э. // Кузищин В.И. Исследования в области экономической истории античности. СПб., 2011. С. 187–199.
- [9] Kay Ph. *Rome's economic revolution*. Oxford: Oxford univ. press, 2014.
- [10] Gsell St. *Histoire Ancienne de L'Afrique du Nord. Vol. VII. La République romaine et les rois indigènes*. Paris, 1928.
- [11] Salmon E.T. *Roman colonisation under the republic*. L., 1969.
- [12] Caillemer A., Chevallier R. *Atlas des centuriations romaines de Tunisie*. Paris: I.G.N. 1954.
- [13] Moatti C. *Archives et partage de la terre dans le monde romain. (IIe siècle avant – Ier siècle après J.–C.)*. Roma, 1993.
- [14] Clavel-Lévêque M. *Centuriation, géométrie et harmonie: le cas du Biterrois*. In: *Mathématiques dans l'antiquité*, Centre Jean-Palmerne: Mémoires 11. Guillaumin J.-Y. (ed.). St-Étienne: Université de St-Étienne, 1992. P. 161–184.
- [15] Hinrichs F.T. *Die Geschichte der gromatischen Institutionen*. Wiesbaden, 1974.
- [16] Maggiani A. *Agricoltura e disciplina etrusca // Il mondo rurale etrusco*. Firenze, 2009. P. 139–156.
- [17] Morris J. *Shaping the Empire: Agrimensores, Emperors and the Creation of the Roman Provincial Identities*. Vol. I. Leicester, 2016.
- [18] Guillaumin J.-Y., Clavel-Lévêque M. *Drainage et géométrie dans la centuriation de Cesena // Dialogues d'histoire ancienne*. 2000. Vol. 26. № 1. P. 204–208.
- [19] Orejas A., Sastre Prat I., Clavel-Lévêque M. *Auguste et la première organisation du Nord-Ouest de la Péninsule Ibérique: L'Édit du Bierzo (Léon, Espagne) // Dialogues d'histoire ancienne*. Vol. 26, № 1. 2000. P. 200–204.
- [20] Mommsen Th. *Römischen Staatsrecht*. Bd. 1–3. Leipzig: Hirscl, 1887–1888. Bd. 3. Abt. 1. 1887.
- [21] Burdese L. *Studi sull'ager publicus*. Torino: Giappichelli, 1952.
- [22] Grelle F. *L'appartenenza del suolo provinciale nell'analisi di gaio 2.7. e 2.21 // Index*. Napoli, 1980. № 18. P. 168.
- [23] Гвоздева И.А. *Агер арцифиниус и начало римского земельного права // Древний восток и античный мир*. М., 2018. Вып. 8. С. 340–355.

References

- [1] Kuzishchin VI. *Rimskoe rabovladel'cheskoe pomest'e II v. do n. je. – I v. n. je.* [Roman slaveholding estate of the II century BC – I century AD]. М., 1973. (In Russ.).
- [2] Kuzishchin VI. *Genezis rabovladel'cheskih latifundij v Italii (II v. do n. je. – I v. n. je.)* [Genesis of slave-owning latifundia in Italy (II century BC – I century AD)]. М., 1976. (In Russ.).
- [3] Lintott A. *Judicial Reform and Land Reform in the Roman Republic*. Cambridge, 1992.
- [4] Schulten A. *Die Römische Flurteilung und ihre Reste*. Berlin: Weidmann., 1898.
- [5] Gvozdeva IA, Gvozdeva TB. *Agri divisi v rimskoj agrimensure [Agri divisi in Roman agrimensura]. Agrarian and land law*. 2020;9(189):95–98. (In Russ.).
- [6] Castagnoli F. *Le ricerche sui resti della Centuriazione*. Roma, 1958.
- [7] Bradford J. *Ancient landscape: Studies in field archeology*. L.: Bell, 1957.
- [8] Kuzishhin VI. *Formirovanie prava chastnoj sobstvennosti v rimskoj jurisprudencii vo II–I vv. do n. je.* [Formation of private property rights in Roman jurisprudence in the II–I centuries BC]. In: Kuzishchin VI. *Studies in the economic history of antiquity*. SPb., 2011, p. 187–199. (In Russ.).
- [9] Kay Ph. *Rome's economic revolution*. Oxford: Oxford univ. press, 2014.
- [10] Gsell St. *Histoire Ancienne de L'Afrique du Nord. Vol. VII. La République romaine et les rois indigènes*. Paris, 1928.
- [11] Salmon E.T. *Roman colonisation under the republic*. L., 1969.

- [12] Caillemer A., Chevallier R. *Atlas des centuriations romaines de Tunisie*. Paris: I.G.N. 1954.
- [13] Moatti C. *Archives et partage de la terre dans le monde romain. (IIe siècle avant – Ier siècle après J.–C.)*. Roma, 1993.
- [14] Clavel-Lévêque M. Centuriation, géométrie et harmonie: le cas du Biterrois. In: *Mathématiques dans l'antiquité, Centre Jean-Palmerie: Mémoires 11*. Guillaumin, J.-Y. (ed.). St-Étienne: Université de St-Étienne, 1992. P. 161–184.
- [15] Hinrichs FT. *Die Geschichte der gromatischen Institutionen*. Wiesbaden, 1974.
- [16] Maggiani A. *Agricoltura e disciplina etrusca. Il mondo rurale etrusco*. Firenze, 2009. P. 139–156.
- [17] Morris J. *Shaping the Empire: Agrimensores, Emperors and the Creation of the Roman Provincial Identities*. Vol. I. Leicester, 2016.
- [18] Guillaumin J.-Y., Clavel-Lévêque M. Drainage et géométrie dans la centuriation de Cesena. *Dialogues d'histoire ancienne*. 2000;26(1):204–208.
- [19] Orejas A., Sastre Prat I., Clavel-Lévêque M. Auguste et la première organisation du Nord-Ouest de la Péninsule Ibérique: L'Édit du Bierzo (Léon, Espagne). *Dialogues d'histoire ancienne*. 2000;26(1):200–204.
- [20] Mommsen Th. *Römischen Staatsrecht*. Bd. 1–3. Leipzig: Hirscl, 1887–1888. Bd. 3. Abt. 1. 1887.
- [21] Burdese L. *Studi sull'ager publicus*. Torino: Giappichelli, 1952.
- [22] Grelle F. L'appartenenza del suolo provinciale nell'analisi di gaio 2.7. e 2.21. *Index*. Napoli, 1980;(18):168.
- [23] Gvozdeva IA. Ager arcifinius i nachalo rimskogo zemel'nogo prava [Ager arcifinius and the beginning of Roman land law]. *The ancient East and the ancient world*. 2018;(8):340–355. (In Russ.).

Информация об авторе:

Гвоздева Инна Андреевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира, ФГОБУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, e-mail: innagvozdeva@mail.ru

Information about the author:

Gvozdeva Inna Andreevna – PhD in Historical Sciences in Lomonosov Moscow State University, e-mail: innagvozdeva@mail.ru

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДРЕВНЕГО РИМА INTERNAL AND FOREIGN POLICY OF ANCIENT ROME

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-310-318

Научная статья / Research article

Династические браки клиентных царей в правление Августа

В.О. Никишин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119234, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
cicero74@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается практика заключения династических браков как часть того политического курса, который проводился по отношению к вассальным царям в правление императора Августа (30 г. до н.э. – 14 г. н.э.). Автор вводит термин «проект Августа», имея в виду комплекс мер, направленных на создание системы вассальных царств на окраинах Римской империи. По мнению автора, династические браки как эффективный инструмент реальной политики должны были цементировать составные элементы этой системы. В основной части статьи автор анализирует десять известных науке династических браков, относящихся к правлению Августа. В результате предпринятого исследования автор приходит к выводу, что Август, безусловно, стремился контролировать поведение царей-коллаборантов. Иногда ситуация выходила из-под контроля, и тогда императору приходилось вмешиваться, чтобы разрешить возникший «конфликт интересов». Автор задается вопросом: чего же требовал Август от вассальных правителей? Ответ таков: лояльности и эффективности в делах управления вверенными им территориями, что подразумевало не только своевременную отправку в Рим установленных денежных сумм (налогов, податей и других платежей), но и защиту местного населения от внешних врагов, а также обеспечение политической стабильности и правопорядка. Если все это было налицо и не возникало никакой опасности – реальной или потенциальной – для мира и стабильности в империи, Август смотрел сквозь пальцы на экстравагантные матримониальные комбинации, полигамию, конфликты с детьми и другие «эксцессы» в семейной жизни зависимых царей. Но когда ставились под сомнение лояльность и эффективность, Август не церемонился и беспощадно карал виновных. Ближайшие преемники Августа отказались от «проекта Августа» и постепенно ликвидировали большинство вассальных царств, превратив их в провинции под управлением наместников.

Ключевые слова: Римская империя, клиентные цари, вассальные царства, цари-коллаборанты, Август, «проект Августа», династические браки

© Никишин В.О., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: Поступила в редакцию: 28.02.2021. Принята к публикации: 07.03.2021.

Для цитирования: Никишин В.О. Династические браки клиентных царей в правление Августа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 310–318. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-310-318

Dynastic marriages of client kings during the reign of Augustus

V.O. Nikishin

Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
27, b. 4, Lomonosovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 119234
cicero74@mail.ru

Abstract. The article examines the practice of entering into dynastic marriages as part of the policy that was held in relation to vassal kings during the reign of the emperor Augustus (30 BC – AD 14). The author introduces the term “Augustus’ project”, bearing in mind the package of measures, aimed at creating a system of vassal kingdoms on the outskirts of the Roman Empire. According to the author, dynastic marriages as an effective instrument of real policy should have cemented the building blocks of the system. In the main part of the article the author analyses ten well-known dynastic marriages, related to the reign of Augustus. As a result of the research undertaken, the author concludes that Augustus, of course, sought to control the behavior of the kings-collaborators. Sometimes things got out of hand, and then the emperor should have intervened to resolve the resulting “conflict of interests”. The author asks: what did Augustus demand of vassal rulers? The answer is: loyalty and efficiency in the administration of the territories entrusted to them, which meant not only the timely dispatch to Rome of established monetary sums (tributes, taxes and other payments), but also to protect the local population from external enemies, as well as political stability and the rule of law. If it was all there and there was no danger, real or potential, for the peace and stability of the empire, Augustus overlooked extravagant matrimonial combinations, polygamy, conflicts with children and other “excesses” in the family life of dependent kings. But when it came to questioning loyalty and efficiency, Augustus was unmerciful and merciless in punishing the guilty. Immediate successors to Augustus rejected the “Augustus’ project” and gradually eliminated most vassal kingdoms, turning them into provinces under the control of the governors.

Keywords: the Roman Empire, client kings, vassal kingdoms, kings-collaborators, Augustus, “Augustus’ project”, dynastic marriages

Article history: Received: 28.02.2021. Accepted: 07.03.2021.

For citation: Nikishin VO. Dynastic marriages of client kings during the reign of Augustus. *RUDN. Journal of World History*. 2021;13(3):310–318. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-310-318

Введение

Император Август стал автором политического курса, направленного на создание системы зависимых от Рима монархий [5. Р. 10]. Положение вассальных правителей по отношению к Риму представляло собой своего рода клиентелу [7. Р. 135, п. 2], мало чем отличавшуюся от политического рабства [5. Р. 23]. Как писал об Августе Светоний, «союзных царей он связывал друг

с другом взаимным родством, с радостью устраивая и поощряя их брачные и дружеские союзы. Он заботился о них, как о частях и членах единой державы, приставлял опекунов к малолетним или слабоумным, пока они не подрастут или не поправятся, а многих царских детей воспитывал и обучал вместе со своими» (Suet. Aug. 48. Пер. М.Л. Гаспарова). В последние десятилетия I в. до н.э. «проект Августа» начал активно воплощаться в жизнь в Северной Африке, за Рейном и на Дунае, в Южном Причерноморье, Сирии и Палестине. Одним из инструментов этого политического курса являлся династический брак. Как явствует из приведенной цитаты Светония, Август время от времени устраивал брачные союзы клиентных царей. Этим династическим бракам и посвящена настоящая статья.

В 30 г. до н.э. Октавиан (в недалеком будущем император Август), одержав победу над Антонием и Клеопатрой, вступил в Александрию. Как пишет Дион Кассий, «поскольку при дворе в большом числе были обнаружены дети различных правителей и царей, содержащиеся здесь либо в качестве заложников, либо просто из надменности, то некоторых из них Цезарь (Октавиан. – В.Н.) отправил домой, других заставил вступить в брак друг с другом, а третьих оставил при себе» (Dio Cass. LI. 16. 1. Пер. под ред. А.В. Махлаюка). Итак, Август начал устраивать династические браки клиентных царей. Всего известно *десять* таких брачных союзов: 1. Царь Мавретании Юба II и Клеопатра Селена; 2. Царь Коммагены Митридат III и Иотапа Старшая; 3. Сын Ирода I Великого Александр и каппадокийская царевна Глафира; 4. Царь Понта Полемон I и царица Боспора Динамия; 5. Иудейский тетрарх Ирод Антипа и Фазелис, дочь царя Набатеи; 6. Царь Каппадокии Архелай I (отец Глафиры) и Пифодорида, царица Понта; 7. Уже упомянутые Юба II и Глафира; 8. Правитель Эмесы Сампсикерам II и Иотапа Младшая; 9. Иудейский этнарх Ирод Архелай и все та же Глафира; 10. Фракийский династ Котис III и Антония Трифена.

Династические браки клиентных царей

Нумидиец по рождению Юба II [см.: 2] ребенком был привезен в Рим (App. Bell. Civil. II. 101). Получившего прекрасное образование [см.: 9. P. 59–75] Юбу Август в 25 г. до н.э. сделал царем Мавретании (Dio Cass. LI. 15. 6; LIII. 26. 2; Plut. Ant. 87; Strab. VI. 4. 2; XVII. 3. 7; Tac. Ann. IV. 5), трон которой был вакантен с 33 г. до н.э. Император женил своего протеже на титулярной царице Киренаики Клеопатре Селене, дочери Антония и Клеопатры, наследнице царских домов Птолемеев и Селевкидов (Strab. XVII. 3. 7; App. Bell. Civil. II. 101; Plut. Ant. 87. 2; Suet. Cal. 26. 1; Dio Cass. LI. 15. 6; Suda, Ιόβας). Свадьба Юбы II и Клеопатры Селены состоялась где-то в промежутке между 25 г. до н.э., когда Юба стал царем Мавретании, и 20/19 г. до н.э., когда были отчеканены монеты с изображением царственной четы (одни историки склоняются в пользу более ранней даты, другие – в пользу более поздней. См.: 6. P. 175, n. 2; 9. P. 86; 11. P. 35). Клеопатра была соправительницей Юбы II, о чем свидетельствуют монеты с легендой “Клеопатра basilissa”. В этом браке

родились дочь Клеопатра и сын Птолемей Филадельф – последний вассальный царь Мавретании, казненный в 40 г. в Риме по приказу Калигулы (Suet. Cal. 35. 1). Клеопатра Селена умерла предположительно в 5 г. до н.э. [11. Р. 46].

Митридата III Антиоха Епифана в 20 г. до н.э. Август утвердил в качестве вассального царя Коммагены (Dio Cass. LIV. 9. 3). Скорее всего, тогда же [13. Р. 141] Митридат женился на Иотапе I Старшей – дочери Артавазда I, царя Мидии Атропатены (Dio Cass. XLIX. 44. 2). Еще в 30 г. до н.э. Октавиан назначил Артавазда I царем Малой Армении и вернул ему дочь, которая несколько лет жила в Александрии при дворе Клеопатры в качестве заложницы (Dio Cass. LI. 16. 2). Предположительно, там же жил и ее будущий муж Митридат. Видимо, Октавиан договорился с Артаваздом о том, что его дочь станет супругой юного Митридата. Достигнув брачного возраста, Иотапа I вышла замуж за Митридата III, доведившегося ей двоюродным братом по материнской линии. В этом браке родились четверо детей, в том числе будущий царь Коммагены Антиох III Епифан (12 г. до н.э. – 17 г. н.э.) и будущая царица Эмесы Иотапа II Младшая.

Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (Ant. Jud. XVI. 1. 2) сообщает о женитьбе Александра, сына царя Иудеи Ирода I Великого (37–4 гг. до н.э.), на Глафире, дочери царя Каппадокии и Киликии Трахеи Архелая I Филопатора (36 г. до н.э. – 17 г. н.э.). Брак Александра и Глафиры (род. в 30-е гг. I в. до н.э.) [11. Р. 53] был заключен в 18/17 г. до н.э., несомненно, с санкции Августа, благоволившего царю Ироду, который к тому времени давно уже зарекомендовал себя в качестве не только лояльного регионального политика, но и эффективного управленца, быстро прекратившего разбой на вверенной его попечению территории [см.: 3. С. 152–153]. Ирод, видимо, был заинтересован в союзе с Архелаем I, и этот союз он намеревался скрепить династическим браком. Со своей стороны, Архелай, наверное, надеялся когда-нибудь увидеть свою дочь царицей Иудеи: Александр был вероятным наследником престола. Бракосочетание состоялось после возвращения Ирода и Александра из Рима, где царевич на протяжении нескольких лет получал греко-римское воспитание и образование (всего при дворе Августа в разное время побывало восемь сыновей Ирода). У Александра и Глафиры родились дочь и два сына – Александр и Тигран. Глафире не довелось стать царицей Иудеи: в 8/7 г. до н.э. Ирод казнил Александра, а невестку отправил к отцу, вернув приданное (Jos. Ant. Jud. XVI. 11. 7).

Весьма любопытный (хотя и несколько загадочный) персонаж эпохи Августа – это боспорская царица Динамия, дочь Фарнака II и внучка Митридата VI Евпатора. Динамия (от греч. «сила», «мощь»), родившаяся ок. 63 г. до н.э., предположительно в 46 г. до н.э. стала женой узурпатора, захватившего власть на Боспоре – архонта, а затем царя Асандра I (47–17 гг. до н.э.) [11. Р. 83]. К тому времени Асандру уже исполнилось 63 года. Женитьбой на совсем еще юной внучке Митридата VI он надеялся легитимизировать свою власть. В Риме скрепя сердце на какое-то время смирились с этим; официально Асандр позиционировал себя как «филоромея», т.е. «друга римлян» [8. Р. 328–329]. Однако в дальнейшем римские власти решили противопоставить Асандру его жену: в

последние годы правления Асандра Динамия была его соправительницей, о чем свидетельствуют надписи и уникальные золотые статеры, датированные 20 и 16 гг. до н.э. [4. С. 187–188; 11. Р. 84–85]. У Асандра и Динамии, предположительно, родились два сына – Асандр II и Аспург. Старший, Асандр II, вероятно, был соправителем Динамии в 17–14 гг. до н.э. и, возможно, погиб в борьбе с Полемоном I.

В 17 г. до н.э. мир на Боспоре закончился: креатура Августа и Агриппы, некто Скрибоний (возможно, вольноотпущенник второй жены Августа, Скрибонии Либоны), выдававший себя за внука Митридата Евпатора и открыто заявлявший, что он действует с санкции Августа [4. С. 188–189], поднял мятеж, победил престарелого Асандра I (последний вскоре умер в возрасте 93 лет: Ps.-Lucian. *Macr.* 17) и провозгласил себя царем, женившись на царице Динамии – опять-таки с целью легитимизировать свое положение как правителя Боспора (Dio Cass. LIV. 24. 4). Боспорцы отказались признать власть Скрибония и уже в 15 г. до н.э. расправились с ним (Ibid. 5). Тогда Август и Агриппа прислали на Боспор нового ставленника – вассального царя Понта Полемона I Эвсеба, «друга и союзника римского народа», который, в свою очередь, женился на Динамии (Dio Cass. LIII. 25. 1) и стал царем Боспора (14–8 гг. до н.э.). Так в результате династического брака возникла личная уния Понта и Боспора, существовавшая, правда, совсем недолго: ок. 12 г. до н.э. царица Динамия умерла. Тогда Полемон I женился на Пифодориде Старшей, внучке Марка Антония. После гибели Полемона I (в 8 г. до н.э. он был убит восставшими аспургианами – одним из меотских племен) его вдова попыталась утвердить свою власть на Боспоре, но безуспешно: трон занял сын Асандра I и Динамии Аспург, сперва правивший как архонт [см.: 1. С. 56–59], а затем и как царь под именем Рескупорида I (14–37 гг. н.э.).

Как отмечает С.Ю. Сапрыкин, «лишившись власти над Боспором, Пифодорида решила компенсировать потерю приобретениями новых владений в Малой Азии, делая это исключительно по воле Рима» [5. С. 197]. В 3/2 г. до н.э. она стала женой каппадокийского царя Архелая I (Strab. XII. 3. 29). В результате возникла личная уния Каппадокии и Понта, которую в 17 г. ликвидировал Тиберий, превратив Каппадокию в провинцию. Предварительно император расправился с Архелаем, с которым у него были давние счеты: престарелого царя Каппадокии обвинили в заговоре против Рима, а его дело было передано в сенат (Dio Cass. LVII. 17. 3–4). Сенаторы, впрочем, не стали приговаривать больного старика к смертной казни (ibid. 5). В этой связи возникает закономерный вопрос: действительно ли царь замыслил заговор против Рима? Однозначного ответа на этот вопрос нет, данные источников разнятся. Так, Филострат дает понять, что заговор был (Philostr. *Apoll.* I. 12. 2), Тацит же считает, что выдвинутые против Архелая обвинения были ложными (Tac. *Ann.* II. 42). По данным Светония, царя хитростью заманили в Рим и, возможно, принудили к самоубийству (Suet. *Tib.* 37. 4). Пифодорида Старшая умерла в 22/23 г. [см.: 4. С. 199]. Безусловно, брак Архелая I и Пифодориды не мог бы состояться без санкции Августа. Мотивация императора в данном случае неясна. Возможно, он руководствовался соображениями исключительно административного

характера: если Пифодорида вполне справлялась с управлением своим царством, то об Архелаяе такого сказать было нельзя; известно, что Август даже распорядился назначить для управления Каппадокией регента, тогда как Архелай, которого его противники обвиняли в слабоумии (*mente lapsis*) [см.: 12. Р. 79–84], был царем лишь номинально (Dio Cass. LVII. 17. 5). Возможно, Пифодорида и была тем самым регентом [см.: 13. Р. 156]. Общих детей у царской четы не было.

Ок. 7/6 г. до н.э. 12-летняя набатейская царевна Фазелис, старшая из пяти дочерей Ареты IV Великого (9 г. до н.э. – 40 г. н.э.), была просватана за 19-летнего Ирода Антипу, сына Ирода I (Jos. Ant. Jud. XVIII. 109). Оба клиентных царя были заинтересованы в этом браке: с его помощью они надеялись урегулировать пограничные споры между Иудеей и Nabateей. После смерти отца Ирод Антипа стал тетрархом Галилеи и Перее (4 г. до н.э. – 39 г. н.э.). В 35 г. он женился на Иродиаде, вдове своего брата, Ирода Филиппа, после чего Фазелис вернулась к отцу. Оскорбленный таким поворотом дела Арета IV начал войну с Антипой (Jos. Ant. Jud. XVIII. V. 1). В 39 г. племянник Антипы, Ирод Агриппа, обвинил дядю в ряде злоумышлений против императора и, в частности, в преступном сговоре с парфянским царем (Jos. Ant. Jud. XVIII. 7. 2). В итоге Калигула сослал Антипу в Лугдун (Галлия), а тетрархию передал Агриппе (*loc. cit.*).

Между 2 и 5 гг. н.э. был заключен брак Юбы II и Глафиры, дочери Архелая I и вдовы Александра, сына Ирода Великого (OGIS 359; 363). К тому времени и Юба II был вдовцом; видимо, он подпал под обаяние молодой и красивой дочери царя Каппадокии. Династический брак Юбы и Глафиры, безусловно, был выгоден прежде всего Архелаяу I, ведь новоявленный зять был личным другом императора. Надо полагать, тесть и зять быстро нашли общий язык: оба активно занимались интеллектуальным трудом [10. Р. 170–176]. Брак Юбы и Глафиры продлился недолго: уже в 6 г. бывшая мавретанская царица вышла замуж за этнарха Иудеи Ирода Архелая (ей было тогда около 40 лет). Скорее всего, развестись с Глафирой Юбу II настоятельно «попросил» Август, опасавшийся чрезмерного усиления политического влияния Архелая I в регионе [11. Р. 56–57].

Где-то между 5 г. до н.э. и 5 г. н.э. состоялось бракосочетание царевича Эмесы Сампсикерама и коммагенской царевны Иотапы II Младшей. Сампсикерам был сыном и наследником «великого царя» Ямвлиха II и правил под именем Сампсикерама II примерно в 14–45 гг. н.э. Дочь Сампсикерама II и Иотапы II, Иотапа III стала женой Аристобула Младшего, внука Ирода Великого (Jos. Ant. Jud. XVIII. 5. 4), а ее сестра Юлия Мамея вышла замуж за царя Понта Полемона II [14. Р. 214]. Ок. 5/6 г. н.э. Глафира, разведясь с Юбой II, вышла замуж за этнарха Иудеи Ирода Архелая, брата своего первого мужа (Jos. Ant. Jud. XVII. 13. 1; Bell. Jud. II. 7. 4). Иосиф Флавий пишет, будто Глафира вернулась к отцу после смерти Юбы, но это невозможно, поскольку последний скончался в 23 г., пережив царя Каппадокии на 6 лет). Архелай (род. ок. 27 г. до н.э.) отнюдь не являлся эффективным управленцем, чем очень скоро вызвал раздражение и среди своих подданных, и в Риме (Jos. Bell. Jud. II. 7. 3). Видимо, последней каплей стала его женитьба на Глафире без

санкции Августа. Сама Глафира в скором времени умерла, а Архелай был лишен власти и сослан в Виенну (Jos. Bell. Jud. II. 7. 3–4).

Наконец, ок. 13 г. н.э. был заключен брак между фракийским династом Котисом III (уб. в 19 г.) и 23-летней Антонией Трифеной, дочерью вассальных правителей Понта, Полемона I и Пифодориды Старшей, внучки Марка Антония и правнучки Митридата VI Евпатора. Страбон пишет о Пифодориде: «От Полемона у нее было двое сыновей и дочь. Последняя вышла замуж за Котиса сапейца; после того как Котис был предательски убит, она осталась вдовой с детьми от него. Старший из ее сыновей теперь управляет страной» (Strab. XII. 3. 29. Пер. Г.А. Стратановского). Дети Котиса III и Антонии Трифены были Реметалк III (последний вассальный царь Фракии в 38–46 гг.), Полемон II (последний вассальный царь Понта в 38–64 гг.), Котис IV (царь Малой Армении в 38–47 гг.) и Пифодорида Младшая.

Заключение

Итак, практика заключения династических браков была частью того политического курса, который проводился Августом по отношению к вассальным царям. Основатель Принципата создавал систему вассальных царств, что называется, «всерьез и надолго». Время от времени заключающиеся династические браки, испокон веков являвшиеся эффективным инструментом реальной политики, должны были дополнительно скреплять отдельные «компоненты» этой системы. Порой речь шла о создании личной унии (как правило, временного характера). Безусловно, Август стремился контролировать поведение царей-коллаборантов, однако иногда ситуация выходила из-под контроля, и тогда императору приходилось вмешиваться, чтобы разрешить возникший «конфликт интересов». Чего же требовал Август от вассальных правителей? Лояльности и эффективности в делах управления вверенными им территориями, что подразумевало не только своевременную отставку в Рим установленных денежных сумм (налогов, податей и других платежей), но и защиту местного населения от внешних врагов, а также обеспечение политической стабильности и правопорядка. Если все это было налицо и не возникало никакой опасности – реальной или потенциальной – для мира и стабильности в Империи, Август смотрел сквозь пальцы на экстравагантные матримониальные комбинации (пример Глафиры), полигамию, конфликты с детьми и другие «эксцессы» в семейной жизни зависимых царей (пример Ирода Великого). Но когда ставились под сомнение упомянутые лояльность и эффективность, Август не церемонился и беспощадно карал виновных (пример Ирода Архелая). Здесь сказывались, безусловно, и личные качества Августа: всегда – расчетливость и осторожность, а при необходимости – тонкость и деликатность. Эти качества отсутствовали у его ближайших преемников (Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона), что и обусловило отказ от «проекта Августа» и ликвидацию на протяжении менее чем ста лет большинства вассальных царств, превращенных в провинции под прямым управлением императорских наместников.

Библиографический список

- [1] *Блаватский В.Д.* О Рескупориде Первом // Советская археология. 1976. № 4. С. 56–62.
- [2] *Никишин В.О.* Как культура преодолела негативный стереотип: портрет мавретанского царя Юбы II в контексте римских этнических предрассудков // Египет и сопредельные страны. 2017. Вып. 2. С. 43–59.
- [3] *Никишин В.О.* Рим и вассальные цари: о некоторых аспектах взаимоотношений // Античный мир и археология. 2019. Вып. 19. С. 129–168.
- [4] *Сапрыкин С.Ю.* Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире / Отв. ред. Л.П. Маринович, С.Ю. Сапрыкин. М., 1995. С. 181–203.
- [5] *Braund D.C.* Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship. London: Croom Helm, 1984.
- [6] *Braund D.C.* Anth. Pal. 9. 235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile // Classical Quarterly. 1984. Vol. 34. №1. P. 175–178.
- [7] *Harris W.V.* War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1979.
- [8] *Nawotka K.* The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // Latomus. 1989. Т. 48. Fasc. 2. P. 326–338.
- [9] *Roller D.W.* The World of Juba II and Kleopatra Selene: Royal Scholarship on Rome's African Frontier. London: Routledge, 2003.
- [10] *Roller D.W.* Scholarly Kings: The Writings of Juba II of Mauretania, Archelaos of Kappadokia, Herod the Great, and the Emperor Claudius. Chicago: Ares Publishers, 2004.
- [11] *Roller D.W.* Cleopatra's Daughter and Other Royal Women of the Augustan Era. New York: Oxford University Press, 2018.
- [12] *Romer F.E.* A Case of Client-Kingship // American Journal of Philology. 1985. Vol. 106. P. 75–100.
- [13] *Shillam M.W.* Imperial Matchmaker: The Involvement of the Roman Emperor in the Arrangement of Marriages between Client Kings / PhD thesis. University of New England, 2016.
- [14] *Sullivan R.D.* The Dynasty of Emesa // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Т. II. Bd. 8. Berlin, 1977. P. 198–219.

References

- [1] Blavatskiy VD. *O Reskuporide Pervom* [About Rescuporides the First]. *Sovetskaya arheologiya*. 1976;(4):56–62. (In Russ.).
- [2] Nikishin VO. *Kak kultura preodolela negativnyi stereotip: portret mavretanskogo tsarya Juby II v kontekste rimskih etnicheskikh predrassudkov* [How the culture overcame a negative stereotype: the portrait of king Juba II of Mauretania in the context of Roman ethnic prejudices]. *Egipet i sopredel'nyie strany*. 2017;(2):43–59. (In Russ.).
- [3] Nikishin VO. *Rim i vassal'nyie tsari: o nekotorykh aspektah vzaimootnosheniy* [Rome and vassal kings: about some aspects of the relationship]. *Antichnyi mir i arheologiya*. 2019;(19):129–168. (In Russ.).
- [4] Saprykin SYu. *Zhenshchiny-pravitel'nitsy Pontiyskogo i Bosporskogo tsarstv (Dinamiya, Pifodorida, Antoniya Trifena)* [Women rulers of the Pontic and Bosporan kingdoms (Dynamis, Pythodorus, Antonia Tryphaena)] *Zhenshchina v antichnom mire*. By ed. Marinovich L.P., Saprykin S.Yu. Moscow, 1995:181–203. (In Russ.).
- [5] Braund DC. *Rome and the Friendly King: The Character of the Client Kingship*. London: Croom Helm, 1984.

- [6] Braund DC. *Anth. Pal. 9. 235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile*. *Classical Quarterly*. 1984;34(1):175–178.
- [7] Harris WV. *War and Imperialism in Republican Rome, 327–70 B.C.* Oxford: Clarendon Press, 1979.
- [8] Nawotka K. *The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs*. *Latomus*. 1989;48(2):326–338.
- [9] Roller DW. *The World of Juba II and Kleopatra Selene: Royal Scholarship on Rome's African Frontier*. London: Routledge, 2003.
- [10] Roller DW. *Scholarly Kings: The Writings of Juba II of Mauretania, Archelaos of Kappadokia, Herod the Great, and the Emperor Claudius*. Chicago: Ares Publishers, 2004.
- [11] Roller DW. *Cleopatra's Daughter and Other Royal Women of the Augustan Era*. New York: Oxford University Press, 2018.
- [12] Romer FE. *A Case of Client-Kingship*. *American Journal of Philology*. 1985;106:75–100.
- [13] Shillam MW. *Imperial Matchmaker: The Involvement of the Roman Emperor in the Arrangement of Marriages between Client Kings*. PhD thesis. University of New England, 2016.
- [14] Sullivan RD. *The Dynasty of Emesa*. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. T. II. Bd. 8. Berlin, 1977. P. 198–219.

Информация об авторе:

Никишин Владимир Олегович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, e-mail: cicero74@mail.ru

Information about the author:

Nikishin Vladimir Olegovich – candidate of sciences (history), senior lecturer, department of ancient history, faculty of history, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, e-mail: cicero74@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-319-328

Научная статья / Research article

Траян и мятеж Антония Сатурнина

В.Н. Парфенов

Саратовская православная духовная семинария,
410028, Российская Федерация, Саратов, ул. Мичурина, 92
vparfenov@list.ru

Аннотация. В статье указывается, что стартовые позиции молодому уроженцу испанского города Италика были обеспечены его отцом, видным приверженцем династии Флавиев, который стал консулом, патрицием и даже удостоился редкой и престижной награды – триумфальных отличий за наместничество в Сирии. Сам будущий император необычно долго занимал должность военного трибуна, что обеспечило ему в дальнейшем карьере профессионального военного (*vir militaris*). Однако, хотя Траян-младший после военного трибуната прошел все положенные ступени гражданских магистратур, до претуры включительно, вместо положенного далее патрицию консулата он получает необычное назначение командиром легиона, стоявшего в провинции *Hispania Tarraconensis*. С точки зрения автора, это назначение, несмотря на его внешнюю непрестижность, было знаком особого доверия со стороны носителя верховной власти. Когда на Рейне в начале 89 года вспыхнул военный мятеж, возглавленный наместником Верхней Германии Антонием Сатурнином, Траян по распоряжению императора Домициана немедленно двинулся со своим легионом в поход против мятежников. Ревностное исполнение приказа позволило ему войти в число наиболее доверенных военачальников Домициана. Возможно, Траян подтвердил в глазах императора свою репутацию верного и энергичного сторонника династии Флавиев, приняв участие в карательных мерах по отношению к мятежным легионам. О последующей карьере Траяна в сохранившихся источниках умалчивается, что заставляет подозревать выполнение им новых ответственных поручений «тирана». Ко времени династического кризиса 96–98 гг. Траян, несомненно, имел репутацию признанного *vir militaris*, крупного военного и администратора.

Ключевые слова: Траян, Флавии, карьера, Домициан, *vir militaris*, мятеж, Сатурнин, Плиний Младший

История статьи: Поступила в редакцию: 19.02.2021. Принята к публикации: 27.03.2021.

Для цитирования: Парфенов В.Н. Траян и мятеж Антония Сатурнина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 319–328. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-319-328

© Парфенов В.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Trajan and the revolt of Antonius Saturninus

V.N. Parfyonov

Saratov Orthodox Theological Seminary,
92, Michurina str., Saratov, Russian Federation, 410028
vparfenov@list.ru

Abstract. The article points out that the starting positions of the young native of the Spanish city of Italica were provided by his father, a prominent follower of the Flavian dynasty, who became a consul, a patrician and, yes, was awarded a rare and prestigious award—the triumphal distinctions for the governorship in Syria. The future emperor himself held the position of military tribune for an unusually long time, which provided him with a career in the professional military (*vir militaris*). However, although Trajan the younger, after the military tribunate, passed all the necessary steps of the civil magistracies, up to and including the praetura, instead of the patrician consulship, he receives the unusual appointment of commander of the legion stationed in the province of Hispania Tarraconensis. From the author's point of view, this designation, despite its external lack of prestige, was a sign of special trust on the part of the bearer of supreme power. When a military revolt broke out on the Rhine in early 89, led by the governor of Upper Germany, Antonius Saturninus, Trajan, on the orders of the Emperor Domitian, immediately moved with his legion to campaign against the rebels. The zealous execution of the order allowed him to become one of the most trusted military leaders of Domitian. Trajan may have confirmed in the eyes of the emperor his reputation as a loyal and energetic supporter of the Flavian dynasty by taking part in punitive measures against the minuscule legions. About Trajan's subsequent career in the surviving sources is silent, which makes it suspect that he was carrying out new government assignments of the "tyrant". By the time of the dynastic crisis of 96–98. Trajan undoubtedly had a reputation as a recognized *vir militaris*, a major military and administrator.

Keywords: Trajan, Flavians, career, Domitian, *vir militaris*, revolt, Saturninus, Pliny the Younger

Article history: Received: 19.02.2021. Accepted: 27.03.2021.

For citation: Parfyonov VN. Trajan and the revolt of Antonius Saturninus. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):319–328. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-319-328

Введение

Участие Марка Ульпия Траяна-младшего в подавлении мятежа Антония Сатурнина против Домициана (начало 89 г. н.э.) явилось переломным моментом в карьере будущего императора. Это тем более примечательно, что непосредственного участия в разгроме мятежников он не принимал. Поэтому представляется небезынтересным проследить, насколько позволяют источники, как развивались события, которые, в конечном счете, привели Траяна к власти, и это при достаточно скромных стартовых позициях.

Происхождение

В первую очередь, необходимо отметить, что стартовые позиции для будущего императора были созданы его отцом и полным тезкой, о котором

известно очень немного. Неизвестен ни год его рождения, ни начала государственной карьеры [1. Sp. 1032].

Основываясь на его *cursus honorum*, В. Эк полагает, что родился Траян-старший не позднее 30 г. [2. S. 8; 3. S. 119] (1). Нет данных о том, был ли он первым из Ульпиев, уроженцев римской колонии с выразительным названием Италика, вошедшим в состав сената, или же сенатором стал уже его отец [2. S. 8]. Для Траяна-старшего это должно было произойти при Клавдии или в самом начале принципата Нерона.

Время тогда было интересное: «Для немалого числа сенаторов, по самым разным основаниям, политическая жизнь завершалась тогда насильственной смертью. Однако это было также и время, когда удавалось быстро попасть в правящую элиту: места жертв занимали новые сенаторы. Такая взаимосвязь и ее значение для интеграционного процесса были тогда очевидны любому» [2. S. 8].

Эти возможности Траяну-старшему удалось использовать в полной мере. Командуя в 60-е годы знаменитым *legio X Fretensis*, стоявшим в Сирии, он принимал участие в подавлении Иудейского восстания и примкнул к Веспасиану, когда войска на Востоке провозгласили того императором. Это обеспечило выходцу из Испании блестящую карьеру, зафиксированную в надписи из Милета: «консул, легат императора Тита Цезаря Флавия Веспасиана Августа, сына божественного Веспасиана, пропретор провинции Сирии, проконсул Азии и Испании Бетики, квиндецемвир для устройства жертвоприношений, жрец культа Флавиев, удостоенный триумфальных отличий по постановлению сената» (ILS. 3. 2. 1916. 8970).

Кроме того, Веспасиан включил его в число патрициев (Plin. *Paneg.* 9.2), то есть в «престижную элиту римского сената» [2. S. 9]. Таким образом, отец императора Траяна вошел в состав военной знати, получавшей важнейшие посты в провинциях с расквартированными там войсками. Нельзя не согласиться с Г. Зелентагом: патриций, консуляр, *vir triumphalis* – для *homo novus* из провинции это была необычайная и удивительно быстрая карьера (3). На этом поле должна была развернуться и военная карьера его сына [6. S. 122].

Начало карьеры

Будущий император родился 18 сентября, предположительно 53 года, в Италике, родном городе своей семьи [7. Sp. 1035; 3. S. 116] (2).

Этапы его карьеры вплоть до *dies imperii* (28 января 98 г.) установлены не всегда надежно. Известно, что между 73/4 и 75/6 гг. Траян-младший служил военным трибуном (*tribunus militum laticlavus*) в Сирии, как раз в период наместничества там своего отца (Plin. *Paneg.* 14.1; 15.1–2) [3. S. 116; 1. Sp. 1033] (4). По словам Плиния (14.1), будущий принцепс «умножил парфянским лавром славу отца» (*augeres Parthico lauro gloriam patris*). Считается, что наместник Сирии получил *ornamenta triumphalia* за победу в военном конфликте с парфянами, в котором принял участие и его сын, но это не единственно возможный вариант, скорее, столь высокую награду Траян-старший

заслужил дипломатическим путем, урегулировав сложную ситуацию, чреватую большой войной.

Кроме Сирии, молодой военный трибун служил и в Германии, причем, если верить Плинию, в общей сложности он находился в этой должности десять лет (*stipendia decem*) (15.3). По мнению Р. Ханслика, выразившего осторожное сомнение в достоверности такого срока, поскольку для сына консула-суффекта он был необычайно долгим, именно эта служба сделала из Траяна профессионального военного и снискала ему симпатии солдат [7. Sp. 1036].

Д. Кинаст, посвятивший специальную работу хронологии императорского Рима, карьере Траяна при Домициане видит следующим образом: после легионного трибуната он становится квестором (в 78 году или позднее), в 84 г. получает претуру, после чего с 86 по 89 г. командует легионом *VII Gemina* в Испании [3. S. 116].

Командир легиона

Если считать длительный военный трибунат первой «неправильностью» в *cursus honorum* Траяна, то она оказалась не единственной. Как правило, спустя два-три года после претуры патриций, каковым, благодаря своему отцу, являлся Траян-младший, получал консулат, унаследованную от времен Республики должность, не дававшую реальных полномочий, но самую престижную для сенатора. Иначе говоря, около 86/87 г. Траян должен был стать консулом. Однако этого не случилось, более того, лишь благодаря Плинию мы знаем, что в 88 г. он был легатом *legio VII Gemina*, который базировался на севере провинции *Hispania Tarraconensis* (5). Исследователи трактуют это необычное назначение по-разному.

В. Эк предпочитает лишь констатировать сам этот факт, указав лишь, что в своей карьере «Траян, кажется, испытал при Домициане определенные трудности», а должность командира легиона «для патриция его происхождения была совершенно необычной» [2. S. 12].

По мнению Г. Зелентага, причина этих трудностей заключалась в том, что последний Флавий покончил с привилегиями той группы сенаторов, к которой по рождению принадлежал будущий император: из 56 патрициев в сенате времени Домициана по меньшей мере 47 получили консулат, но лишь двоим из них были доверены посты преториев и консуляров на императорской службе [6. S. 123]. Игнорировать этот бесспорный факт невозможно. Казалось бы, предмета для дискуссий больше нет: Траяну-младшему, как и подавляющему большинству «престижной элиты римского сената», наиболее ответственные посты просто не доверялись.

Однако в случае с Траяном эта, на первый взгляд, безупречная логика не срабатывает. Дж. Беннет, рассмотрев проблему под другим углом зрения, приходит к совершенно неожиданному выводу. Он указывает, что при нормальном ходе событий патриции вскоре после претуры могли рассчитывать на консулат, причем эпонимный (*consules ordinarii*), и лишь ограниченное меньшинство занимало между двумя этими ступенями карьеры какой-либо

промежуточный пост. Траян относился к этому избранному меньшинству, так как он был направлен в Испанию командовать Седьмым Сдвоенным легионом. Фактически он стал единственным патрицием, которого Домициан, целенаправленно проводивший политику выдвижения *homines novi* за счет нобилитета, удостоил подобной чести [10. P. 26].

На первый взгляд, честь эта выглядит довольно сомнительной. Испания была давно, еще со времени Августа, «замиренной» провинцией, обстановка там была спокойной, так что никаких шансов для честолюбивого нобилия приобрести нам военную славу просто не было [6. S. 123; 10. P. 27]. Однако в данном случае определяющим фактором было другое.

По мнению Дж. Беннета, реальное объяснение этой «аномалии» в карьере Траяна может быть поставлено в связь с критической обстановкой, которая сложилась на Дунае в связи с боевыми действиями против даков. Обстановка эта требовала присутствия лучших военачальников Домициана, что повлекло за собой серию перемещений среди командного состава римской армии. «Такого рода перемещения неизбежно способствовали карьере людей более низкого ранга, которые теперь заполняли образовавшиеся вакансии. Командование *VII Gemina* могло быть одной из них, особенно подходившей столь честолюбивому новичку, каким был Траян. Короче говоря, экстраординарное назначение Траяна, вероятно, объяснялось скорее отсутствием у него каких-либо откровенных военных амбиций» [10. P. 27].

Если учесть, насколько тщательную селекцию высшего командного состава производил Домициан [11. С. 328 сл.], то можно не сомневаться, что Траян тоже не избежал этой процедуры и его назначение командиром легиона следует рассматривать как знак особого доверия императора.

Бросок на Рейн

В этом доверии последний Флавий не обманулся: когда в Могонтиаке (совр. Майнц) вспыхнул военный мятеж, возглавленный наместником Верхней Германии Антонием Сатурнином, Траян, выполняя приказ императора, повел свой легион из Испании на Рейн (Plin. *Paneg.* 14.5).

Особое мнение по этому поводу высказывает Г. Зелентаг, который полагает, что неверно считать, будто «Траян сначала ждал приказа на марш для своего легиона. Антоний Сатурнин должен был вступить в контакт с другими наместниками и командирами легионов, чтобы обеспечить себе их поддержку. Те, кто не был готов к такой поддержке, немедленно двинули войска против узурпатора. Этого требовала лояльность в отношении императора...» [6. S. 123, Anm. 29].

Идея представляется достаточно сомнительной. Во-первых, попытки Сатурнина обеспечить себе поддержку других провинциальных наместников и легионных легатов не доказаны: во всяком случае, при современном состоянии источников больше оснований считать, что мятеж был плохо подготовлен и, скорее всего, вспыхнул спонтанно. Во-вторых, едва ли для узурпатора мог иметь серьезное значение переход на его сторону командира одного-

единственного легиона в далекой Испании, чтобы вообще ставить его в известность о своих планах – к решающим событиям Траян все равно бы опоздал, вне зависимости от того, чью сторону он собирался принять.

В-третьих, Домициан наверняка отнесся бы к такой «самодеятельности», то есть выступлению легиона из места постоянной дислокации без приказа верховного главнокомандующего, каковым являлся император, крайне подозрительно (6). К тому же мнение Г. Зелентага прямо противоречит словам нашего основного источника о том, что Домициан «вызвал» (*exciverat*) Траяна из Испании (Plin. *Paneg.* 14.5). Таким образом, нет оснований отказываться от традиционной точки зрения: Траян должен был выступить в поход лишь после получения приказа Домициана, что он и сделал (7).

Панегирист ставит в особую заслугу Траяну то, что он шел с войсками форсированным маршем, торопясь на помощь легитимному правителю (*per hoc omne spatium cum legiones duceres seu potius (tanta velocitas erat) raperes...* – Plin. *Paneg.* 14.3). Участия в подавлении мятежа он, правда, принять не успел – мятежники были разгромлены Лаппием Максимом, наместником Нижней Германии – но проявленные Траяном качества ревностного служаки, безоговорочно лояльного к династии Флавиев, Домициан оценил по достоинству.

Возникает естественный вопрос: если мятежники были разгромлены около 15 января 89 г., а Траян со своим легионом прибыл в Могонтиак лишь в конце февраля [15. S. 455], то в чем могла заключаться его дальнейшая деятельность на Рейне, благодаря которой он стал для Домициана «прочнейшим оплотом» (*validissimum praesidium* – Plin. *Paneg.* 14.5; comp.: 94.3)?

Сравнивая в цитируемом месте «Панегирика» действия Траяна с подвигами Геркулеса (при этом императору отводилась роль Эврисфея, который испытывал к герою смешанное чувство восхищения и страха), Плиний, однако, умалчивает об их сути.

Это внушает обоснованное подозрение в том, что Траяну, укрепившему в глазах Домициана свою репутацию энергичного и преданного командира, было поручено «выявить оставшихся диссидентов в Могонтиаке и восстановить дисциплину у опальных мятежников» [10. P. 44]. Поскольку сам Домициан вершил там же «неумолимый и жестокий суд над сторонниками и единомышленниками Сатурнина» [22. S. 217], при котором будущему императору досталась малопочтенная роль подручного, Плиний предпочел тактично умолчать о подробностях.

Карьерный взлет

Во всяком случае, следующая ступень карьеры Траяна была достигнута, по выражению Б. Джонса, «с почти беспрецедентной быстротой» – от *legatus legionis* в 89 г. до *consul ordinarius* в 91-м [23. P. 535; 24. P. 148]. Коллегой Траяна по должности стал сенатор из очень древней консулярской фамилии Маний Ацилий Глабрион, будущая жертва Домициана. С начала правления Домициана это был всего лишь второй случай, когда эпонимную магистратуру заняла пара консулов, не принадлежавших к императорскому дому

[10. P. 45]. По словам В. Эка, «многие тогда могли с завистью смотреть на Траяна, прежде лишённого какого-либо влияния» [2. S. 12]. Однако затем следует «информационный вакуум»: о том, где находился и чем занимался Траян после консулата и вплоть до осени 97 г., неизвестно ровным счетом ничего.

Высказывается мнение, что Плиний обходит молчанием эти годы потому, что Траян находился в фаворе у Домициана, входя в его *consilium*, «неформальный политический совет, посредством которого император осуществлял свою верховную власть» [10. P. 46]. Косвенное подтверждение этому предположению Дж. Беннет видит в переданных поздним автором словах самого Траяна: «...хотя Домициан был очень плохим, однако он имел хороших друзей... (*Domitianum pessimum fuisse, amicos autem bonos habuisse* (SHA. Alex. Sev. 65.5).

Г. Зелентаг, однако, полагает, что в 91 г. карьера Траяна выглядела практически оконченной: «Это отличие выглядит вершиной карьеры Траяна, однако скорее в негативном смысле. Дело в том, что ввиду кадровой политики Домициана было явно невозможно, чтобы для патриция после его консулата следовало что-то большее... Определенно не стоило ожидать, чтобы ему было вверено важное военное командование» [6. S. 124].

В те времена удачная сенаторская карьера увенчивалась проконсулатом в провинциях Азии или Африке, но, как справедливо отмечает В. Эк, между консульством и наместничеством в «сенатской» провинции должно было пройти 13–14 полных лет. В этот промежуток времени Траян, судя по более или менее стандартному *cursus honorum* его панегириста Плиния (CIL V.2.5262), мог получить надзор над общественным строительством в столице, ее водоснабжением или над функционированием Тибра как транспортной артерии, однако для патриция это едва ли подходило.

Что же касается наместничества в крупных вооруженных провинциях, то, по мнению исследователя, у Траяна отсутствовал, по крайней мере в требуемом объеме, необходимый опыт практической административной деятельности. Соответственно, «едва ли вероятно, что Домициан время от времени призывал его в свой *consilium* как советника по политическим и правовым вопросам». Так что Траяну оставалось членство в одной из жреческих коллегий – жертвоприношения за здоровье и благополучие императора были одной из форм демонстрации политической лояльности – и участие в заседаниях сената, что было обязанностью каждого сенатора [2. S. 12].

Загадочные годы

Но Р. Ханслик указывает на то, что Плиний (44.1) явно старается создать впечатление, будто Траян последние годы правления Домициана провел в Риме, где ему, как и другим сенаторам, тоже грозила участь стать жертвой «тирана». По поводу такой возможности исследователь подчеркивает: «Об этом вообще не может быть и речи». Он обращает внимание на «ценное указание» Р. Сайма о том, что, согласно эпиграфическим данным, юный Адриан, сын двоюродного брата Траяна, постигал азы военной службы под началом своего родственника [7. Sp. 1037].

Действительно, Р. Сайм, подчеркнув, что никакой опасности со стороны Домициана Траян не подвергался, полагал, что Плиний мог намеренно умолчать о том, что во время кампаний последнего Флавия на Дунае Траян мог находиться в его штабе в качестве одного из *comites* императора. Существует и альтернатива: панегирист, умолчав о консулате Траяна, мог по той же причине обойти молчанием и предоставление ему наместничества в одной из консулярских провинций, возможно на Дунае.

В качестве косвенного доказательства такой возможности указывается, что службу Элий Адриан проходил последовательно в трех легионах, два из которых базировались в дунайских провинциях, а в те времена «военные трибуны обычно несли службу в армиях, которыми командовали их родственники». В таком случае, Траян 18 сентября 96 г., в день убийства Домициана, мог находиться вдали от Рима и стоять во главе армии [12. P. 34].

Обратившись к цитируемой надписи, которая сделана на базе статуи в афинском театре Диониса и отражает *cursus honorum* Адриана при Домициане и Траяне, мы в соответствующем месте читаем: *trib. leg. II Adiutricis p. f. item legionis V Macedonicae item legionis XXII Primigeniae p. f.* (ILS. I. 308). Здесь же (p. 80, n. 8) Г. Дессау указывает, что *legio II Adiutrix Pia Fidelis* дислоцировался в Нижней Мезии, как и *V Macedonica. XXII Primigenia Pia Fidelis* базировался в Верхней Германии. Р. Сайм уточняет, что дислокация *II Adiutrix* не определена (возможно, Верхняя Мезия), в остальном он поддержал предложенную Г. Дессау локализацию [12. P. 34. N. 3].

Существует еще одна возможность: Траян в момент гибели Домициана мог занимать пост либо наместника *Germania Superior*, либо легата Паннонии; второе представляется более вероятным, как это достаточно основательно аргументирует Дж. Беннет [10. P. 46 f.].

Наконец, не исключается и вероятность того, что последний год принципата Домициана Траян все же находился в столице и, таким образом, был свидетелем государственного переворота и провозглашения Нервы принцепсом, причем в последнем, как и в принятии постановления сената о *damnatio memoriae* своего убитого покровителя, должен был, как сенатор, участвовать сам [7. Sp. 1038; 25. P. 90].

Заключение

Таким образом, положение Траяна в 91–96 гг. определяется целым букетом предположений, ни одно из которых при современном состоянии источников не может считаться доказанным. Во всяком случае, трудно спорить с тем, что «Траян явно был признанным *vir militaris*, когда осенью 97 г. его усыновил Нерва, а это предполагает выполнение им некоего служебного поручения в „пропавшие“ годы» [10. P. 46].

До конца ясно лишь одно: Траян, верный сторонник династии Флавиев, находился в фаворе у ее последнего представителя, и никакая опасность со стороны «тирана» ему не угрожала, хотя Плиний Младший и старается создать у своих читателей противоположное впечатление. Впрочем, сенаторы,

которые слушали его речь в сентябре 100 г., наверняка были в курсе истинного положения дел. О самом Траяне, благосклонно внимавшем оратору, и говорить не приходится.

Примечания

Даты, если это не оговаривается особо, относятся к нашей эре.

(2) Была основана в 206 г. до н.э. будущим Сципионом Африканским в Южной Испании как поселение ветеранов (*vicus oppidum civium Romanorum*), в 146 г. до н.э. одарена консулом Л. Муммием добычей из уничтоженного Коринфа (CIL. II. 1119), со времени Цезаря известна как *municipium* (Bell. Alex. 52, 4) [4. Sp. 2284; 5. Sp. 1485].

(3) В. Эж отметил: «Как в нормальной политической обстановке развивалась бы дальше карьера южно-испанского сенатора после проконсулата в Hispania Baetica, можно только предполагать; во всяком случае, едва ли столь стремительно и успешно, как это имело место на деле» [2. S. 8 f.].

(4) Р. Ханслик [7. Sp. 1036] ошибочно указал, что в этот период Траян-сын был легатом (als Legionslegat) в одном из четырех легионов, составлявших гарнизон Сирии (*III Gallica, IV Scythica, VI Ferrata, XII Fulminata*). Это было попросту невозможно: одно дело юный аристократ, проходивший перед началом своей политической карьеры войсковую стажировку в должности *tribunus militum*, и совсем другое – командир легиона (*legatus Augusti legionis*), как правило, профессиональный военный и отнюдь не новичок в этом деле (*vir militaris*). См. к этому: [8. 2016, С. 145 сл.]. К тому же XII Молниеносный легион был еще в 70 году, после взятия Иерусалима, переведен Титом из Сирии в Каппадокию (Jos. BJ. VII. 1. 3 (18), так что Траян служить там не мог.

(5) Обычно считается, что он находился в этой должности с 86/7, как минимум, по зиму 88/89 гг. включительно [7, 1036; 9. S. 122; 10. P. 26].

(6) Возможно возразить: подавивший мятеж наместник Нижней Германии, скорее всего, императорского приказа получить не успел. Однако это совсем иная ситуация: при чрезвычайных обстоятельствах действительны только чрезвычайные меры, и Домициан, оценивая действия Лаппия Максима, не мог этого не учесть.

(7) [12. P. 32; 7. Sp. 1037; 13. P. 221; 14. S. 165; 15. S. 454; 16. P. 101; 17. S. 169; 18. S. 73; 19. P. 494; 2. S. 12; 20. S. 102; 21. C. 31 сл.].

(8) CIL VI.1988=XIV.2392; VI.2067=ILS. 5044; 9245; Dio Cass LXVII.12.1; Suet. Dom. 10.2.

Библиографический список / References

- [1] Hanslik RM. Ulpian Traianus (pater). *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus. Hg. v. K. Ziegler. Stuttgart: Metzler, 1965. Sp. 1032–1035. (In German).
- [2] Eck W. Traian – Der Weg zum Kaisertum. *Traian. Ein Kaiser der Superlative am Beginn einer Umbruchzeit*. Ed. A. Nünnerich-Asmus. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2002. S. 7–20. (In German).
- [3] Kienast D., Eck W., Heil M. *Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. 6. überarb. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2017. 368 S. (In German).
- [4] Hübner E., Schulten A. Italica. *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung von G. Wissowa, W. Kroll. Hg. v. W. Kroll. Stuttgart, Metzler, 1916, Hbd. 18. Sp. 2283–2284. (In German).
- [5] Grosse R. Italica. *Der kleine Pauly*. Edd. K. Ziegler, W. Sontheimer. Stuttgart: Alfred Druckenmüller Verlag, 1964. Bd. 2. Sp. 1485. (In German).

- [6] Seelentag G. *Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat*. Stuttgart: Franz-Steiner-Verlag, 2004. 556 S. (In German).
- [7] Hanslik RM. Ulpius Traianus. Römischer Kaiser 98–117. *Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus. Hg. v. K. Ziegler. Stuttgart: Metzler, 1965. Spplbd. 10. Sp. 1035–1102. (In German).
- [8] *Парфенов В.Н.* Квинт Петиллий Цериалис, vir militaris. Эволюция российского и зарубежного государства и права. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2016. Т. II. С. 145–155. [Parfyonov VN. Quintus Petillius Cerialis, vir militaris. Evolution of Russian and foreign states and law. Ekaterinburg: Ural State Law University, 2016. Vol. II. P. 145–155]
- [9] Kienast D. *Römische Kaisertabelle: Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. 3. Aufl. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. 399 S. (In German).
- [10] Bennett J. *Trajan optimus princeps. A Life and Times*. London; New York: Routledge, 2005. 312 p.
- [11] *Парфенов В.Н.* Домициан и его «генералитет». История: мир прошлого в современном освещении. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 327–336. [Parfyonov VN. Domitian and his generals. *Istoriya: mir proshlogo w sovremennoy osvveshenii*. St. Petersburg: University Press, 2008. P. 327–336]
- [12] Syme R. *Tacitus*. Oxford: Clarendon Press, 1958. Vol. I. IX, 464 p.
- [13] Grant M. *The Army of the Caesars*. L., Weidenfeld & Nicolson Publ., 1974, XXXIV, 365 p.
- [14] Seyfarth W. *Römische Geschichte. Kaiserzeit I*. 3., bericht. Aufl. Berlin: Akademie-Verlag, 1980, 329 S. (In German).
- [15] Walser G. Kaiser Domitian in Mainz. *Chiron*. 1989. Bd. 19. S. 449–460. (In German).
- [16] Southern P. *Domitian: Tragic Tyrant*. L., Routledge Publ., 1997, 164 p.
- [17] Christ K. *Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Von Augustus bis zu Konstantin. 4. Aufl. München: Beck, 2002. 882 S. (In German).
- [18] Pfeiffer S. *Die Zeit der Flavier. Vespasian – Titus – Domitian*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2009. 146 p. (In German).
- [19] Venning T. *A Chronology of the Roman Empire*. London: Continuum, 2011. 850 p.
- [20] Eck W. Traians Herrschaftsbeginn in Germania inferior und seine Städtepolitik in dieser Provinz. *Trajan und seine Städte*. Colloquium Cluj-Napoca, 29. September – 2. Oktober 2013. Cluj-Napoca: Mega Verlag, 2014, S. 101–109. (In German).
- [21] *Князький И.О.* Император Траян. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2016. 159 с. [Knyaz'kij IO. The Emperor Trajan. St. Petersburg: Aleteia publ.]
- [22] Strobel K. Der Aufstand des L. Antonius Saturninus und der sogenannte zweite Chattenkrieg Domitians. *Tyche*, 1986, Bd. 1. S. 203–220. (In German).
- [23] Jones BW. Senatorial Influence in the Revolt of Saturninus. *Latomus*. 1974. T. 33. Fasc. 3. P. 529–535.
- [24] Jones BW. *The Emperor Domitian*. London; New York, Routledge, 1992. 292 p.
- [25] Grainger JD. *Nerva and the Roman Succession Crisis of AD 96–98*. London; New York: Routledge, 2003. XXVII, 162 p.

Информация об авторе:

Парфенов Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Церковной истории Саратовской духовной семинарии, e-mail: vparfenov@list.ru

Information about the author:

Parfyonov Victor Nikolaevich – doctor of historical sciences, professor. Professor of the Department of Church History, Saratov Orthodox Theological Seminary, e-mail: vparfenov@list.ru

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-329-332

**Рецензия на книгу: Gunn G.C. Overcoming Ptolemy:
the revelation of an Asian world region.
Lanham, Maryland: Lexington Books, 2018. XXXIV, 289 p.**

Д.А. Щеглов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная,
д. 5, литера Б
shcheglov@yandex.ru

История статьи: Поступила в редакцию: 08.11.2020. Принята к публикации : 24.03.2021

Для цитирования: *Щеглов Д.А.* Рецензия на книгу: Gunn G.C. Overcoming Ptolemy: the revelation of an Asian world region. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2018. XXXIV, 289 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 329–332. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-329-332

**Book review: Gunn G.C. Overcoming Ptolemy:
the Revelation of an Asian World Region.
Lexington Books, 2018. XXXIV, 289 p.**

D.A. Shcheglov

St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology, Russian Academy of Sciences,
5, letter b, University Embankment, St. Petersburg, Russian Federation, 199034
shcheglov@yandex.ru

Article history: Received: 08.11.2020. Accepted: 24.03.2021

For citation: Shcheglov DA. Book review: Gunn G.C. Overcoming Ptolemy: the Revelation of an Asian World Region. Lexington Books, 2018. XXXIV, 289 p. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):329–332. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-329-332

© Щеглов Д.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«География» Птолемея, созданная в середине I в. н.э., надолго забытая в Средние века и затем заново открытая для Западной Европы итальянскими гуманистами в XV в., послужила основой для развития картографии эпохи Великих географических открытий. Европейские карты XV–XVI вв. продолжают воспроизводить очертания карты Птолемея для значительной части побережий бассейна Индийского океана и большей части внутренних областей Азии и Африки. По мере того, как европейцы заново открывали для себя территории, известные в античности, Птолемеевские очертания на их картах постепенно замещались новыми, более достоверными сведениями. Последние элементы наследия Птолемея (в частности, в очертаниях Средней Азии и Центральной Африки) продержались на европейских картах до начала XIX в.

В рецензируемой монографии Джеффри Ганн, в настоящее время почетный профессор университета Нагасаки, известный многочисленными трудами по истории Тихоокеанского региона, поставил перед собой амбициозную цель проследить процесс освоения и преодоления Птолемеевского наследия европейской картографией. Сам автор выделяет в своей работе четыре основных задачи [2. Р. xxxi]: 1) осветить, как Птолемеевские представления были восприняты позднесредневековой Европой из арабских источников; 2) проследить постепенную эрозию Птолемеевского образа мира с появлением новых данных; 3) на примере Индии, Индо-Китая и Китая показать, как традиционные представления о мире корректировались под воздействием новых знаний, полученных в эпоху европейской научной революции, 4) проследить, каким образом на основе астрономических измерений, проведенных иезуитами в Малакке, Тайланде и Макао, были исправлены унаследованные от Птолемея представления о завышенной протяженности Евразийского континента по долготе (с запада на восток), которые в свое время вдохновили экспедицию Колумба.

На деле же получившуюся монографию нельзя свести к ограниченному числу «главных» задач или вопросов. Ганн явно относится к той категории авторов, которую Исая Берлин обозначил как «лисы», то есть те, кто склонны тонуть в деталях, стремясь охватить самый широкий спектр явлений, отражающих все многообразие мира, в отличие от противоположной категории – «ежей», которые жестко придерживаются своей главной идеи или цели [1]. Монография Ганна представляет собой пестрое полотно, в котором можно найти краткое освещение почти любого из значимых вопросов, касающихся развития географических представлений, путешествий и открытий, картографии, навигации, да и науки в целом, а также сопутствующих политических реалий от античности и до XVIII в. В этом отношении монография может использоваться в качестве популярного введения в историю картографии и географии. Карта Птолемея в работе Ганна выступает не в качестве исследуемого объекта, но скорее служит поводом для обсуждения других тем и сквозным мотивом, искусственно соединяющим друг с другом различные сюжеты.

Монография состоит из восьми частей. Тематика и содержание первых четырех частей довольно предсказуемы: они посвящены всему, что имеет отношение к развитию картографии, соответственно, в античности, в арабском

мире, в средневековой Европе к XV веку, когда «География» Птолемея была заново открыта для европейского читателя и состоялась экспедиция Колумба, и, наконец, в эпоху Великих географических открытий XV–XVI вв. Предсказуемым образом в этих разделах рассказывается об основных исторических событиях, развитии технологий мореплавания и навигации, путешествиях, географических открытиях и наиболее важных трудах географов и картографов. В частности, подробно рассматривается вопрос о том, как Птолемей повлиял на представления Колумба о возможности достижения Индии западным путем.

Следующие четыре главы посвящены более узким темам, содержание которых уже менее ожидаемо от книги по истории картографии. В пятой главе рассматриваются четыре произведения монументального объема, каждое из которых предлагает свое описание известного мира в форме рассказа о путешествиях: «Плавания и путешествия» Джованни Баттиста Рамузио (1550–1559 гг.), поэма «Лузиады» Луиса де Камоэнс (1572 г.), «Странствие» Фернана Мендеса Пинту (1614 г.) и «Космография» Петера Хейлина (1657 г.). При всех различиях между ними эти произведения, согласно Ганну, объединяет то, что все они сочетают в себе традиционные элементы, унаследованные в том числе от Птолемея, с новейшими сведениями.

Шестая глава подробно рассказывает о том, как европейская картография постепенно преодолевала то, что Ганн называет «Птолемеевской ловушкой» (Ptolemaic trap): представление о сильно завышенной протяженности Евразийского континента в долготном направлении (с запада на восток). В частности, рассказывается о новых методах измерения долготы, об астрономических наблюдениях иезуитов в Китае в XVI–XVII вв., и о французском проекте по проведению астрономических измерений в Сиаме и Китае в 1685–90 гг., позволивших, наконец, с достаточной точностью определить долготу этих территорий относительно Парижского меридиана и окончательно порвать с Птолемеевскими представлениями.

Седьмая глава вся посвящена деятельности видного картографа и историка географии аббата Жана-Батиста де Анвиля (1697–1782 гг.), который, с одной стороны, получил известность благодаря своим картам Восточной Азии, а с другой стороны, был автором наиболее обстоятельного для своего времени исследования по истории географии в древности. На примере де Анвиля Ганн, по-видимому, пытается проиллюстрировать финальный этап процесса вытеснения Птолемеевских представлений новыми географическими реалиями.

Особый интерес представляет собой восьмая глава, в которой Ганн прослеживает, как менялись представления о бассейне Южно-Китайского моря, начиная от Птолемея и заканчивая современными спорами о принадлежности островов Спратли. Попутно рассматриваются существовавшие в разные эпохи и в разных культурах концепции, определяющие права государства на владение морскими территориями. В частности, рассматриваются: римская концепция *mare nostrum*, провозглашавшая Средиземное море собственностью римского народа, значение Тордесильяского договора 1494 г., поделившего весь

Земной шар вместе со всеми морями между Испанией и Португалией, выдвинутая в 1609 г. голландцем Гуго Гроциусом концепция *mare liberum* («открытого» моря, которое не может быть ничьей собственностью), и в ей противоречивая выдвинутая в 1635 г. англичанином Джоном Селденом концепция *mare clausum* («закрытого» моря, которое может быть владением того или иного монарха), а также различие между европейским и традиционным восточно-азиатским пониманием того, как определяется территория государства и его границы.

В целом монография Ганна, хотя и безусловно представляет собой интересное чтение, является не самостоятельным исследованием, а скорее не очень удачной компиляцией, напоминающей пестрое лоскутное одеяло, собранное из фрагментов, заимствованных из других работ и притом слабо связанных друг с другом. В этом отношении показательно то, как часто, в том числе без особой для того необходимости, Ганн цитирует мнения других исследователей, в ряде случаев выбирая для таких цитат не самых глубоких и авторитетных специалистов. Например, говоря об арабских географов, он часто ссылается на работу виконта де Сантарема [3], которая уже несколько устарела, а рассуждая о географических представлениях Колумба, он ссылается на заметку в популярном журнале [4].

Библиографический список / References

- [1] Berlin I. *The Hedgehog and the Fox: An Essay on Tolstoy's View of History*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1953.
- [2] Gunn GC. *Overcoming Ptolemy: the revelation of an Asian world region*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2018.
- [3] Santarém MF. de Barros and Sousa de Mesquita de Macedo Leitão e Carvalhosa. *Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen-âge: et sur les progrès de la géographie après les grandes découvertes du XVe siècle...* Paris: Impr. de Maulde et Renou, 1848–1852.
- [4] Wallis H. “What Columbus Knew.” *History Today*. 1992;(42):17–23.

Информация об авторе:

Щеглов Дмитрий Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора когнитивных и социальных проблем истории науки Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, e-mail: shcheglov@yandex.ru

Information about the author:

Shcheglov Dmitry Alexeyevich – PhD in History of Science, Senior Research Fellow of the Sector of Cognitive and Social Problems in the History of Science of the St. Petersburg Branch of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, e-mail: shcheglov@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-333-338

**Рецензия на книгу: Война, политика, память:
Наполеоновские войны и Первая мировая война
в пространстве юбилеев / под ред.
О.С. Поршневой (отв. ред.), Н.Н. Баранова, В.Н. Земцова.
М.: Политическая энциклопедия, 2020**

С.В. Кондратьев*, Т.Н. Кондратьева

Тюменский государственный университет,
625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6
*skondratiev@utmn.ru

История статьи: Поступила в редакцию: 08.11.2020. Принята к публикации : 24.03.2021

Для цитирования: *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Рецензия на книгу: Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / под ред. О.С. Поршневой (отв. ред.), Н.Н. Баранова, В.Н. Земцова. М.: Политическая энциклопедия, 2020 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 3. С. 333–338. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-333-338

**Book Review: War, politics, memory:
The Napoleonic Wars and the First World War in the space
of Anniversaries. Ed. by O.S. Porshneva (chief editor),
N.N. Baranov, V.N. Zemtsov.
M.: Politicheskaya enciklopediya, 2020**

S.V. Kondratiev*, T.N. Kondratieva

Tyumen State University,
Volodarsky str., 6, Tyumen, Russia, 625003
*Corresponding author: skondratiev@utmn.ru

Article history: Received: 08.11.2020. Accepted: 24.03.2021

For citation: Kondratiev SV, Kondratieva TN. Book Review: War, politics, memory: The Napoleonic Wars and the First World War in the space of Anniversaries. Ed. by O.S. Porshneva (chief editor), N.N. Baranov, V.N. Zemtsov. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2020. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(3):333–338. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-3-333-338

© Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

«Время – вещь необычайно длинная, – были времена – прошли былин-ные. Ни былин, ни эпосов, ни эпопей», провозгласил когда-то Владимир Маяковский, и предложил припасть к «реке по имени факт». Увы, романтические надежды позитивистов XIX в. описать историю такой, какой она была, остались мечтой. Содержимое реки по имени «факт» по-разному интерпретируется и обретает различные смыслы. Вчерашние хрестоматийные герои и события, «места памяти», как только их перестают тиражировать в средствах массовой коммуникации и на уроках истории, быстро вытесняются и перестают храниться Мнемосиной. История, как показывают, авторы рецензируемой книги, коллектив которой составили в основном признанные и молодые историки Екатеринбурга, не остается неизменной. На историю оказывают влияние организованные группы (партии, движения) или государства, легитимируя себя, умножая символический капитал, форматируя, блокируя и пореформатируя память о прошлом, ведя войны памяти. История и историческая память – не совпадающие понятия и не константные величины. События прошлого живут своей рецепционной жизнью, складываясь порой у последующих поколений в причудливую картину, полную мифов и легенд. У разных наций свои главные и разновременные символы прошлых войн, как правило, это победы в отдельных сражениях, как Аустерлиц для французов, Трафальгар – для британцев, Битва народов под Лейпцигом – для немцев, Бородино – для русских.

Рецензируемая монография имеет, на первый взгляд, сложную структуру: после введения, где объясняется, какой эвристический потенциал несут в себе юбилеи грандиозных войн для исследования проблемы исторической памяти и исторической политики, следуют 5 глав, разбитых на параграфы, более половины которых также, часто по несколько раз, разбиты. Но, по сути, монография распадается на три не выделенных специально, но очевидных части.

Две первых главы посвящены методологии и национальным европейским историографиям (французской, российской, британской и немецкой) Наполеоновских и Первой мировой войн. Реперными точками избраны полувековые юбилеи, которых для Наполеоновских войн насчитывается, соответственно, 4, а для Первой мировой войны – 2. Авторы исходят из того, что именно через призму юбилеев лучше всего разглядеть вариативность сознательного, навязываемого властью, и бессознательного, спонтанного, образа прошлого. Обращаясь к работам классиков и отцов-основателей проблематики, которая насчитывает приблизительно 40 лет, – Ж. Дюби, П. Нора, Я. Ас-смана, Э. Хобсбаума, Дж. Уинтера, М. Хальбвакса, П. Хаттона, П. Рикёра, Р. Козеллека и др., – они отмечают, что она связана с культурной историей, антропологическим и лингвистическим поворотами, которые пытаются объяснить появление устойчивых структур сознания, механизмы властного воздействия на них, преодоление травм и шоков поражений, героизации побед, мемориализации былого, формирование национальных идентичностей на основе общего семиотического ряда («символический репертуар»), эмоциональную, но постепенно, с течением времени, изживаемую и утрачиваемую связь с прошлым, появление ритуальных «мест памяти», наконец, забвение.

Рассматривая национальные историографии войн, авторы, отмечают отсутствие, прежде всего, из-за недостаточной хронологической исследовательской глубины, целостной картины и выделяют, их темпоральные тренды и фокусы. Французская историография памяти о Первой империи концентрирует внимание на мифологизированной и героизируемой фигуре Наполеона и на трагических поражениях французской армии, где главное место занимают русский поход и Ватерлоо. В русской историографии особое значение имеет Отечественная война 1812 г. и периферийное – заграничный поход русской армии. Британская историография концентрирует свое внимание на образах важнейших для исторической памяти побед – Трафальгаре и Ватерлоо. В памяти немцев, полагают германские историки, борьба с Наполеоном стала Освободительной войной, героизация которой способствовала становлению германской нации и немецкого национализма.

В ходе осмысления образов Первой мировой войны историки заметили, пишут авторы, что эта войны породила современные методы массовой пропаганды и дала мощный импульс развитию политики памяти и исторической политики. Память о войне много и продуктивно эксплуатировалась государствами и политическими силами. Отечественная послереволюционная историография Первой мировой войны отводила ей периферийное значение, сосредотачиваясь на самой революции. Война именовалась «империалистической», подчеркивался, как универсальный, ее захватнический характер со стороны все акторов. В 1930-е годы интернационалистская риторика в исторических работах сменилась на патриотическую, и война со стороны России стала именоваться оборонительной. В таком же патриотическом духе использовался образ Первой мировой войны в советской пропаганде во время Великой отечественной войны. Отечественная война почти совсем заслонила и вытеснила Первую мировую из сознания советского человека и из поля исторических исследований. Только последние десятилетия и, в особенности, столетний юбилей активизировали и актуализировали исследования о Первой мировой войне.

Французская историография, показано в монографии, активно изучает коммеморации Великой войны и эволюцию памяти о ней. Британские авторы отмечают преобладание негативного («бессмысленная война») образа войны, сформированного после ее окончания. Германские историки сосредоточены на изучении личностного восприятия жертв и героев войны, а также на конкурирующих (либеральной, левой, национал-социалистской и др.) вариантах исторической памяти.

«Вторая часть» (3 глава) книги посвящена юбилеям Наполеоновских войн. Она самая большая. Открывается глава повествованиями о французском и российском вариантах памяти, которые в книге наиболее информативные и лучше всего фундированные архивными документами. Здесь показано, как во Франции эволюционировала память о самых знаменитых сражениях – Аустерлице, Бородино, Березине, Трафальгаре, Ватерлоо. Значительные периоды преобладания прославления наполеоновской эпохи и патриотизма сменялись переносом акцентов на виктимизацию войн. Отмечается также, что в

современных условиях в наполеоновских войнах видят попытку реализации идеи единой Европы, что приводит в условиях мультикультуризма к политике отказа от торжественного празднования дат отдельных сражений, что, в свою очередь, наталкивается на сопротивление академической общественности.

В России, которая вышла победительницей из противостояния с армией «двунадесяти языков», войну воспринимали как отечественную. В памятниках мемориальной культуры и исторических работах проводилась мысль о патриотическом единении народа и самодержавия в борьбе с Западом. В знаменитом романе Л.Н. Толстого «Война и мир» война предстала не войной героев, а народной войной, успех или неудача которой заранее predetermined. Народность и провиденциализм Войны 1812 г. стали с того времени преобладать в ее образе, который лишь отчасти был поколеблен, переформатирован, во время празднования 100-летнего юбилея (1912), когда (в преддверии Первой мировой войны) активно шло складывание союзнических отношений с «травмированной» поражением Францией, и даже СССР образца середины XX в. и России начала XXI в. Корректировки такой версии войны начали осуществлять историки, начиная с 1990-х гг., и продолжают делать это до настоящего времени. Но официальные коммеморации 2012 г. «удивительным образом напомнили юбилей 100-летней давности», а власть использовала его как символический, консолидирующий общество ресурс.

Для Британии Наполеоновские войны, показано в монографии, – это, прежде всего победы у мыса Трафальгар, символа британской гегемонии на море, и, имевшего меньшее символическое значение, Ватерлоо, что отражено в композиции Трафальгарской площади, памятнике Нельсона и трех панорамах сухопутного сражения. Первоначальное восприятие побед как национальных триумфов, хотя и корректировалось под воздействием разных обстоятельств, в основных своих частях остается неизменным.

Для немцев, и до объединения Германии, и после, война с Наполеоном воспринималась как освободительная, главным событием которой и символом борьбы стала Битва народов под Лейпцигом (1813), превратившаяся в «братский праздник немецкой нации», ее единства, в одну из центральных скреп империи. От патриотического заряда и общего в основном ритуала празднование во времена Второго рейха ничего не осталось к началу XXI в., что объясняется разительными трансформациями, которые пережила Германия после поражения во Второй мировой войне и отсутствием единого для ФРГ министерства культуры. И хотя германские земли праздновали юбилей по своим сценариям, но у них был общий пафос – «мирное сотрудничество в Европе».

«Третья часть» (4 и 5 главы) повествует об образе Первой мировой войны в XX – начале XXI в. и об исторической политике. В описываемых европейских странах, за исключением СССР, память о войне была меморизирована в официальных празднествах. Для Советской России Первая мировая война изначально имела периферийное значение. Ее не предали забвению, но предпочитали видеть в ней своеобразный разогрев ситуации, который привел к судьбоносному октябрьскому перевороту, в тени которого Великая война

либо оставалась, либо она почти совсем вытеснялась из памяти, как произошло в первые десятилетия после Великой Отечественной войны. Память непосредственных участников войны была поставлена под политический контроль. Компартия и Коминтерн использовали юбилеи «империалистической» войны для антивоенной пропаганды в СССР и Европе. Тема Первой мировой войны использовалась для легитимации большевистского режима и подготовки населения к новой войне. Накануне и в период Великой Отечественной войны Первая мировая война, как война между Германией и Россией, из империалистической превратилась в оборонительную, а ее героические эпизоды (Брусиловский прорыв, прежде всего) использовались для укрепления патриотизма. Реабилитация дореволюционного прошлого началась во второй половине 1980-х гг. Следствием ее оказалась идеализация дореволюционного прошлого России, что стало приводить к изъятию очевидной связи между войной и последующей революцией. Различные общественные силы и организации актуализировали почти исключительно героическую войну, что не способствовало складыванию ее единого образа. 100-летний юбилей войны властные элиты России активно использовали для легитимации сложившегося политического порядка, эксплуатируя тему «единства народа и государства».

Отношение к войне, в которой Германия потерпела тяжелое поражение, в Веймарской республике, охарактеризовано в книге как «борьба за память» и «время произвольных воспоминаний», поскольку одни политические силы и ветеранские организации, преодолевая травму, героизировали войну, создавали мифологему о несломленном, твердо выполняющем долг немецком солдате, тогда как другие, как в знаменитом романе Ремарка, видели в прошлой войне катастрофу, сломавшую жизнь целого поколения. В Третьем рейхе героика войны стала единственным нарративом, легитимирующим режим и обосновывающим национализм. В послевоенной ФРГ политика памяти претерпела качественную трансформацию от признания прежних ценностей воинских традиций долга и стойкости до разрыва с ними (как милитаристскими) и культивирования идеи примирения и согласия между народами.

Победившая в Первой мировой войне Британия пошла по пути меморизации памяти о ней, что, по мнению правящей элиты, написано в монографии, должно было «стимулировать национальное сплочение, классовый мир, <...> легитимировать и защищать существующий общественный порядок». Апофеозом по воздействию на граждан стало одновременное проведение по всей стране в учрежденный День примирения 2-минутного ритуала молчания и создание Могилы Неизвестного Солдата, которые должны были утвердить британцев, несмотря на артикулированную часто точку зрения о бессмысленности этой войны, что жертвы и лишения были не напрасны. После Второй мировой войны, почёркнуто в монографии, официальный нарратив памяти оказался сконцентрирован не вокруг идеи Триумфа и Победы, а вокруг «концептов долга, службы стране, потерь и горя рядовых солдат и граждан». В то же время в обществе вырос интерес к разнообразному жизненному опыту войны, следствием которого стала коррекция уже традиционных способов коммерции.

В победившей в Великой войне Франции в межвоенный период доминировал пацифизм и траурные настроения («трагический нарратив ветеранов и левых»), и одновременно Победа в ней стала непреходящим символом торжества над противником («героический нарратив»), что позволило памяти о войне объединить поколения на основе героического пафоса. После Второй мировой войны Великая война во Франции отступила в тень, но уже с конца 1950-х она начинает возвращаться в общественное пространство. Национальные движения во французских колониях актуализировали «героические» страницы войны на заморских территориях. К концу 1960-х гг. формируется тройная картина войны: как символа победы и единства нации, как символа скорби и общеевропейский утраты и как символа мужества, союзнического долга и идеи мира. В последние 50 лет в памяти о Великой войне на первый план выходит идея национального, европейского согласия и евроинтеграции.

Юбилейные мероприятия – это не только воспоминание былых побед и поражений, припадание к отеческим гробам и демонстрация любви к родному пепелищу, но это и, отмечено в книге, сопровождающая их коммерциализация прошлого, туристские индустрии и реклама. Причем собранные в результате средства могут зачастую направляться на помощь тем же ветеранам, как это происходит, например, в Британии с продажей символизирующих жертв Первой мировой войны красных маков.

Подводя итоги, можно сказать, что авторам монографии удалось реконструировать структуру исторической памяти и отчасти ее иерархию, показать как более близкое (Первая мировая война) и совсем давнее (Наполеоновские войны) прошлое становились новым прошлым. Книга демонстрирует, что память имеет свои опорные точки, несущие (насуточные, м.б.) «места», которыми, как правило, являются победы и поражения, и апелляция к которым происходит с большей или меньшей степенью интенсивности постоянно, а мобилизация – в годы круглых дат, юбилеев (коммеморации) и в «минуты роковые». Наконец, из книги становится ясно, что именно после первой мировой войны появляются общенациональные минуты молчания, грандиозные мемориалы памяти, Вечный огонь, Могилы Неизвестного Солдата, национальные Дни народной скорби, Дни памяти, Дни памяти героев, Дни примирения, или их аналоги – известные и привычные сегодня ритуалы и формы мемориализации прошлого.

Информация об авторах:

Кондратьев Сергей Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета

Кондратьева Тамара Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета

Information about the authors:

Kondratiev Sergey Vitalievich – Dr. Hab. (History), Professor Department of Modern History and World Policy Tyumen State University

Kondratieva Tamara Nikolaevna – PhD (History), Associated Professor Department of Document Management and Document Supporting of Administration, Tyumen State University

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
